ISSN 0130–2647.

Крестьянка

2'89

Будни
и поэзия,
вьюга
и тепло
печки,
тяга
к иным
прекрасным
мирам и
верная
любовь
к своей
деревне —
их нельзя
[redacted]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Крестьянка

2'89

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Идет реформа политической системы. Избиратели становятся требовательнее к своим депутатам, а депутаты — требовательнее к себе, строже оценивают свою работу, свои реальные возможности. И говорят об этом...

ПОЧЕМУ Я НЕ[illegible] НАКАЗ

Любовь СТЕПА[illegible]ВА, депутат Влад[illegible]рского областного [illegible]ета народных депутатов.

Выбралась я наконец в Красную Ушну. Это один из двадцати населенных пунктов, жители которых избрали меня своим депутатом в областной Совет. Вот мои избиратели, вот я перед ними. И они говорят: «Мы давали вам наказ — добиться, чтобы у нас построили детский садик. Вы взяли это на себя. Но уже год прошел, почти половина срока ваших полномочий, а нет никаких признаков строительства или подготовки к нему».

Отвечаю: по плану садик должны начать строить в 1989 году. В срок моих депутатских полномочий строительство окончено не будет. То есть этот наказ я не выполню. А всего их у меня три: еще новый цех на соседнем крахмало-паточном заводе и Дом культуры в нашей деревне. С Домом культуры такая же ситуация, как с детсадиком в Красной Ушне, а цех строится.

Есть ли моя, депутата, заслуга в том, что строительство детсада и Дома культуры все же внесено в план? Давайте наконец посмотрим правде в глаза: нет в этом моей заслуги. Меня выбрали в областной Совет летом 1987 года, когда уже был составлен план социально-экономического развития области, куда вошли и новый цех, и детсад, и Дом культуры. Правда, все это попало в план именно по наказам населения, но не тем наказам, которые дают депутатам, а по каждодневным просьбам, по ходатайствам местных Советов и администрации предприятий и хозяйств.

План, как известно, со[illegible] на пять лет. [illegible]го исполком, [illegible]верждают план «чохом», не имея, в сущности, возможности вникать в его внутреннюю логику. Кроме того, поскольку план рассчитан на пять лет, а срок депутатских полномочий в областном Совете вдвое короче (по крайней мере пока; я избрана именно на этот срок), то не все депутаты вообще утверждают этот план (не утверждала его и я). Так что приблизить начало строительства детсада в Красной Ушне у меня не было никакой возможности. Как и строительство Дома культуры. В деревне 700 человек молодежи, а вместо клуба — изба, где только и можно, что кино крутить и собрания проводить. Я пыталась объяснить председателю комиссии по вопросам культуры и строительства, в которой работаю, что без Дома культуры нашей деревне больше нельзя. В ответ слышала: «Построим». Однако, честно говоря, и она, и я знаем: ломать план — событие чрезвычайное и вряд ли реальное в данном случае.

Я упомянула о комиссии Совета, в которой работаю. Должна сказать, в вопросах культуры да и строительства я вряд ли очень компетентна. Агроном по образованию, бригадир полеводов по профессии, сельский человек по рождению и образу жизни, я разбираюсь лучше всего в вопросах сельского хозяйства. Здесь у меня есть что предложить, есть что отстаивать. Например, я уверена, что закупочные цены на продукцию сельского хозяйства часто совершенно произвольны и как будто нарочно ориентированы на то, чтобы продуктов было меньше и были они хуже. Пример — производство свинины. Нужно стране хорошее, постное свиное мясо? Наивный вопрос. Так вот: килограмм такой свинины стоит дешевле, чем килограмм свиного сала. Наш совхоз, если он сдает «мясных» свиней, на каждой теряет до 100 рублей. Я говорила об этом на сессии Совета, но никто меня не поддержал и не опроверг. Будь я в комиссии по сельскому хозяйству, я бы продолжила разговор. Но не мы выбирали себе комиссии — нас в них назначили.

В Красной Ушне мне задали еще один вопрос: «Почему мы вас год не видели?» А потому не видели, что я бригадир полеводов, полгода мы работаем весь световой день и без выходных. Пыталась я ставить вопрос о том, чтобы хоть день в неделю давали депутатам для встреч с избирателями. Тщетно.

Только после XIX партконференции, где я была делегатом, стала понимать, что в нашей депутатской работе многое поставлено с ног на голову. То есть инициатива идет от исполкома, а исполнителями являются депутаты, выступая «толкачами». И исполком в этом не виноват, он поставлен в такие условия прежней системой выборов, регламентом работы депутатов, практикой их выдвижения и так далее.

Разумеется, кандидатов в депутаты должно быть несколько. При этом разумно выдвигать не просто хороших работников, авторитетных людей, но людей, имеющих за душой программу действий. И выбор должен быть у избирателей: какую программу предпочесть. Это определит и характер наказов. В частности, то, что люди поймут: наказы — это не перечень всего, чего нет, а первоочередные нужды, действительно болевые точки. Я думаю, что если бы меня выбирали именно так, возможно, в число наказов не попали бы ни цех, ни Дом культуры, а вместо них были бы новые очистные сооружения на крахмало-паточном заводе. Я жена страстного рыбака и знаю, что рыба в нашей речке Ушне появляется в то время, когда завод не работает. Когда он действует — речка отравлена. Ясно, с вводом нового [illegible]логическая сит[illegible] нет хуже, что это не может не сказываться на здоровье людей.

Почему решено строить цех — понятно: за этим возможности и нужды ведомства, сумевшего «выбить» фонды. Почему Дом культуры — понятно тоже. Очистные сооружения нужны только жителям нашей Новлянки. К дирекции совхоза завод прямого отношения не имеет. Ведомства, которые добивались строительства цеха, стоят не на берегу нашей речки, свои средства тратить предпочитают на сооружение новых мощностей. Местный же бюджет на создание очистных сооружений ведомственного предприятия тратить не будут. Разрешить эти противоречия могла бы воля избирателей. Если не как депутат, то как избиратель я мечтаю участвовать в выборах, на которых будет выражена воля народа, а не воля ведомств.

Совхоз «Селивановский», Селивановский район, Владимирская область.

Фото Е. КАТИНА.

Пока совхозски[illegible]ая молодежь ходит на дискоте[illegible] в соседний поселок. Но п[illegible]

[illegible]989, № 2. Издательство ЦК КПСС «Правда»

Адрес подпис[illegible]

ВЫПОЛНИЛА

Жизнь поручает новую роль

«Если бы начинать я немногое хотела

Н. Крупская

Когда, изучая наше прошлое, в старых мемуарах, в полицейских протоколах, в краткой, деловой, переписке революционеров вам встретятся такие имена, фамилии, клички — Атаманова, Крупа, Марица, Минога, Надина, Надя, Онегина, Прасковья Константиновна, Рихтер, Рыба, то знайте, что все они имеют в виду одного человека — Надежду Константиновну Крупскую.

Юбилейные даты (исполнилось 120 лет со дня ее рождения) часто искажают подлинное лицо, выбирая из жизни величавое, делая юбиляра малодоступным для понимания, отделяя его, отсекая от нашего с вами опыта. А ведь свет, идущий от человеческой судьбы, тот свет, что проникает и в наш день, вовсе не из одних громких подвигов соткан, а из самой ткани жизни, из дней, прожитых трудно, достойно и обычно. Другое дело, как каждый из нас понимает эту обычность.

Вот пять фотографий, пять мгновений, как пять квантов света...

Цитируются воспоминания и письма Надежды Константиновны того времени, когда были сделаны фотографии.

1

1. 1895 год, ПЕТЕРБУРГ. Двадцатишестилетняя Надя Крупская — учительница вечерней воскресной школы за Невской заставой. Нынешним учителям и ученикам в голову не придет, какие это были школы, какие педагоги, какие школьники.

«...Рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим,— тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть — тут борьба возможна; напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонишься к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал...»

2

Как же все-таки мало о них рассказано — учительницах того времени, ничего не требующих,

...жизнь сначала, ...бы изменить в ней...»

скромных до незаметности. Такими пришли они в революцию, которую готовили, такими и остались после победы, несущие свет надежды и ничего не берущие взамен.

Год назад учительница Крупская познакомилась на масленице с «приезжим волжанином». Звали его Владимир Ульянов.

2. 1898 год, ШУШЕНСКОЕ. Арестантка по делу петербургского «Союза борьбы» Надежда Крупская выпу-

3

щена из тюрьмы после трагедии в Петропавловской крепости: заключенная Ветрова сожгла себя, смертью протестуя против такой жизни. Впереди ссылка. Невеста ссыльнопоселенца Ульянова добивается разрешения отбывать ссылку вместе с женихом. Здесь, в Шушенском, они и обвенчались; здесь Надежда Константиновна сфотографировалась с матерью, Елизаветой Васильевной, которая разделила судьбу дочери и зятя.

«Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди... Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал».

О себе ни слова. Только, если мать Ильича в письмах расспрашивает — ответит. О том, что была не просто женой, но и соратником, другом, потом напишут многие-многие книги. Кажется, что некоторые коробили ее. Просто она всегда — в каждый день и час — делала то, что должна была делать жена человека, огромность которого она понимала лучше всех.

3. ОСЕНЬ 1917-го, ПЕТРОГРАД. Кто разглядит под этим низко повязанным платочком жену вождя большевиков, связного ЦК, партийного деятеля высшего эшелона? Надежда Константиновна пробирается в Финляндию — да привыкать ли ей — Марице, Миноге, Крупе, Рыбе, привыкшей сбивать полицейскую слежку филеров чуть ли не половины Европы...

«...Много раз собиралась написать Вам по приезде в Россию, но так и не собралась до сего дня. Захватила жизнь и работа. Все время прожила в одном из здешних рабочих районов, Выборгском, и сжилась с ним душой. Знаете, у Толстого в его педагогических статьях есть рассказ, как в школе слушала рассказы из священной истории дворовая девочка: никогда слова не проронила и только губами шевелила и вдруг раз прекрасно рассказала прослушанное. Толстой пишет, что ему стало даже жутко, точно он подсмотрел тайну пробуждающейся души. У Толстого это не этими словами сказано, но все равно смысл такой. Так вот теперь, когда живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь при тайне одухотворения, очеловечения жизни масс. И мне ужасно жаль, что нет художника настоящего, который мог бы в художественном произведении отразить этот процесс. И так жалеешь, что нет в живых Льва Николаевича!»

4. 1920 год, МОСКВА. Семья Ильича, давно ставшая и ее семьей. Уже не преследуемые — победители, и живут не в избе, а в Кремле, но как была вся жизнь — работа, так и остается. По 12—14 часов в сутки. Только теперь можно больше сделать, большему числу людей помочь, ободрить, поднять, вселить надежду.

«Дорогой товарищ, читая Ваше письмо, я вспоминала свою молодость: металась вроде Вас. Но у Вас, судя по Вашему письму, ОПРЕДЕЛЕННОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ. Это ведь большое счастье.

Я бы советовала Вам специализироваться в этой области и упорно добиваться своего. Не принимают на дошкольные курсы — особой беды нет. Вы еще молоды, ведь курсы эти не

5

последние, учиться же Вам придется долго, если хотите сделать в области педагогики побольше пользы, учиться не столько на курсах, сколько самой, читая, наблюдая детей, проверяя все на опыте. Надо только поставить цель и идти к ней неустанно...

Но, главное, дитя мое, не мечитесь, беритесь за педагогику и работайте в этой области. Интересных областей много, везде бы интересно поработать, но так нельзя разбрасываться, будет мало пользы и еще меньше удовлетворения...»

На снимке: Владимир Ильич Ленин, его жена — Надежда Константиновна Крупская, две сестры — Анна Ильинична Елизарова и Мария Ильинична Ульянова, брат — Дмитрий Ильич Ульянов.

5. 1922 год, ГОРКИ. Чем меньше оставалось дней жизни Ильичу, тем больше он уходил в бессмертие. Она, как всегда, была рядом. Быть рядом — это в первую очередь работать.

Надежда Константиновна пишет 18 декабря:

«Дорогой товарищ,

я теперь почти совершенно потеряла способность писать письма. На своем веку я их написала не одну тысячу, а теперь нужны совершенно исключительные обстоятельства, чтобы я ответила на письмо. Живешь, как на вулкане, треплешься по 12—14 часов в сутки, и силешек здорово убавилось, вот ответы на письма и остаются обычно в области пожеланий. Но Ваше письмо пришло в момент, когда работа не клеится, а поэтому берусь за письмо.

Да, с того времени, как мы с Вами встречались, целая жизнь прошла, да притом еще жизнь в такую эпоху, когда месяц можно за год считать. Чего только с тех пор не случалось! Нашу жизнь Вы, вероятно, знаете: тюрьма, ссылка, эмиграция, два года жизни в Питере, потом опять эмиграция, и, наконец, пять лет революции. Я много лет была секретарем партии, с 1917 года работаю по просвещению. Дело знаю и люблю. Удовлетворяет ли оно меня? Право, не знаю. Делать его надо — делаю в меру сил и разумения.

Сейчас работать приходится свирепо, рассчитывая каждую минуту. Ведь теперь идет дело о том, чтобы подвести базу под завоевания революции, иначе все жертвы будут зря. Возможности широчайшие, и их надо в полной мере использовать. Как мы строим жизнь? По-российски: неумело, но в ходе работы учимся понемногу. Растраты времени и энергии чудовищные еще, но понемногу дело двигается...

Мне чудно было читать Ваше письмо: как можно стоять в стороне от работы, потому что люди не нравятся. Люди — продукт условий, откуда же им стать идеальными, только в борьбе могут стать они другими — жизнь здорово меняет людей. Приходится работать с теми людьми, которые есть под руками, а искусство организации в том и состоит, чтобы из каждого человека взять то хорошее, что он может дать, поставить его в такие условия, чтобы это хорошее могло развиться. Думаю, что если бы искать идеальных людей, пришлось бы руки сложить всем...»

Вряд ли Надежда Константиновна в 22-м году могла подозревать, что наступит время, когда и ей захочется «сложить руки». Время, когда у нее на глазах дело Ильича изнутри будут промораживать властолюбцы, титаны подменятся тиранами, когда вчерашние товарищи, как и прежде, потянутся в ссылки, тюрьмы, на позор и смерть. Будет бороться изо всех сил, надеясь на будущее... Но это еще впереди. А тогда, в 22-м, в другом письме, она скажет о себе — все.

«Почему Вы меня жалеете? Мне совсем не плохо жить. Напротив, я очень счастлива, что мне пришлось пережить революцию, очень люблю свою теперешнюю работу, мне очень хорошо жилось в личном отношении. А если бывают тяжелые минуты, то у кого их нет. Жизнь кипела все годы и била через край. Нет, мне жаловаться не приходится. И если бы начинать жить сначала, я немногое хотела бы изменить в ней, так, мелочи...»

Н. РЫБАКОВ

Нашей «Службе надежды» пошел второй год. Истины ради надо заметить, что редакционная «новорожденная» шагает уже широко и уверенно. Яркое тому свидетельство — почта «Крестьянки», в которой становится все больше писем с пометкой «Службе надежды». ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД ИХ ПРИШЛО БОЛЕЕ СТА ТЫСЯЧ. ЗА ТО ЖЕ ВРЕМЯ РЕДАКЦИЮ ПОСЕТИЛО БОЛЕЕ ДВУХ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. Из писем, встреч мы узнали о судьбах тех, кто воспользовался помощью «Службы надежды». Осиротевшие села обрели хозяев, женихи — невест, колхозы и совхозы, кто частично, а кто и полностью, смогли решить проблему рабочих рук.

О разном поведали читатели. Были смешные и курьезные случаи. Не обошлось без обид, разочарований. Нередко причиной тому — необдуманная решительность читателей, которые, несмотря на неоднократные наши обращения, срывались с мест, заранее не согласовав с приглянувшимися им хозяйствами свой приезд. Такие стихийные переселения ставили местное руководство в очень тяжелое положение. В редакции раздавались звонки из Новосибирской, Ростовской, Брянской и других областей и регионов страны: «Что делать? Всех приехавших обеспечить жильем и работой не можем...» К сожалению, такое случается и сегодня.

Подчас слишком завышенные требования предъявляют и сами новоселы-переселенцы. Приведем выдержку из одного лишь письма, пришедшего из Херсонской области: *«Сообщите адрес, где нужны рабочие руки, но... при условии, если в хозяйстве есть благоустроенное жилье, кроме общеобразовательной школы, есть музыкальная и спортивная. А также хотелось бы переехать в местность с хорошим микроклиматом, чтобы были речка, озера, лес, настоящая зима и яркое лето».* Столь капризным адресатам «Служба» вряд ли может помочь. Не хватает людей там, где условия сложные, где нужны энтузиасты.

В связи с этим у редакции есть просьба и к руководителям хозяйств: присылая приглашения в «Крестьянку», не старайтесь приукрасить действительность, больше сообщайте о производственной стороне. Вот что пишет читатель из Псковской области: *«Руководители стараются расписат[ь] как можно краше так называе[мый] соцкультбыт — Дворц[ы] культуры отгрохали, хором[ы] усадебного типа построили, магазины, больницы, школ[ы] есть, и живность на обзаведе[ние] личным хозяйством дают. А вот о производственной сто[роне] молчок. Какова урожай[ность], какие надои, как с кор[мами], какие условия труда, есть ли арендный подряд? Словом, нас, переселенцев, ин[тересует] не только жилье, н[о] и чем живет, дышит хозяй[ство]».*

Таковы на сегодняшни[й] день обоюдные требования переселенцев и руководите[лей].

«СЛУЖБА НАДЕЖДЫ» ПРЕД[ЛАГАЕТ] НОВЫЕ АДРЕСА:

*«Проблема нехватки рабочи[х] рук не минула и наше хозяй[ство]. Колхоз расположе[н] в Стародубском районе Брян[ской] области. Имеет 2550 га па[хотных] земель, новый молоч[ный] комплекс на 650 голов, свиноферму, овцеферму и ко[неферму]. На территории кол[хоза] Дом культуры, два мед[пункта], начальная и вось[милетняя] школы, библиотека, магазин. Есть лес и река. Нам нужны работники всех специ[альностей]: доярки, свинарки, телятницы, механизаторы, шо[феры], медработники. Предсе[датель] колхоза «Восход» **Н. ТКАЧЕВ.*** ПИШИТЕ ПО АДРЕ[СУ]: 243255, П/О ПЕСТРИКОВО СТАРОДУБСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ».

«В колхоз имени Дзержин[ского] приглашаем тех, кто хо[тел] бы работать и жить в селе. Нужны механизаторы и живот[новоды]. Приехавшим предо[ставим] жилье, продадим скот для личного хозяйства на льготных условиях, выплатим подъемные. Затраты по пере[езду] колхоз возьмет на себя. На центральной усадьбе есть восьмилетняя школа, детский сад, столовая, баня, почта, библиотека, медпункт, Дом культуры. Для желающих работать на семейном и арендном подряде создаются все условия. НАШ АДРЕС: 461741, СЕЛО КУЗЬКИНО МАТВЕЕВСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА В. РЯПЛОВ».

«Совхоз «Ромодановский» расположен в 40 километрах от районного центра. В совхоз входят 4 населенных пункта. На центральной усадьбе есть средняя школа, библиотека, Дом культуры, почта, сберкасса, медпункт. Жильем обеспечим, а через год гарантируем

благоустроенные квартиры. Нам требуются животноводы, культпросветработники, продавцы, почтальоны, медработники. В хозяйстве много молодых парней, отслуживших в рядах Советской Армии. НАШ АДРЕС: 422909, СЕЛО РОМОДАН АЛЕКСЕЕВСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР. ДИРЕКТОР СОВХОЗА Н. КАРАМАЛИКОВ».

«Повторно обращаемся к тебе, «Надежда». Дирекция нашего совхоза просила у тебя адреса тех, кто хотел бы работать на селе. Письма, которые ты нам выслала, мы внимательно прочитали, по каждому из них сделали запрос. Прошло более двух месяцев, но ни от одного из адресатов не получили ответа. Может быть, люди пишут просто так, без всякой цели? Тогда зачем отнимают время и у редакции, и у нас. Нам так нужны рабочие руки во все сферы производства. НАШ АДРЕС: 216451, СОВХОЗ «РОСЛАВЛЬСКИЙ» РОСЛАВЛЬСКОГО РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА КАДРОВ О. ФИЛИПЕНКОВА».

«Совхоз «Рассвет» имеет 600 голов дойного стада, 1200 свиней, занимается выращиванием кормовой свеклы. Имеется средняя школа, детский сад, новый ДК, столовые, баня, два дома животноводов. Нам нужны механизаторы, шоферы, инженеры, строители, животноводы, учителя. Всех обеспечим жильем. НАШ АДРЕС: 433112, с. МОРДОВСКИЙ БЕЛЫЙ КЛЮЧ ВЕШКАЙМСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ОТДЕЛ КАДРОВ СОВХОЗА».

«Колхоз имени Кирова — небольшое хозяйство. Центральная усадьба связана с районным центром асфальтированной дорогой. Есть восьмилетняя школа, клуб, детский сад, медпункт, торговый центр. Несмотря на наличие механизации на ферме, имеются определенные трудности в работе животноводства. Не все еще благополучно и с бытовыми условиями. При надое на корову 3084 килограмма молока в 1987 году среднемесячная зарплата доярки составила 258 рублей. Жилье строим, хотя есть трудности, поэтому с желающими приехать к нам необходима письменная предварительная договоренность. НАШ АДРЕС: 623921, КОЛХОЗ ИМЕНИ КИРОВА СЛОБОДО-ТУРИНСКОГО РАЙОНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА Д. П. ХРАМЦОВ».

Зинаида ПАЛВАНОВА

Зинаида Палванова родилась в поселке Явас Зубово-Полянского района Мордовской АССР. Учится на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького. Автор трех поэтических сборников. После одного из московских совещаний молодых литераторов поэт Владимир Соколов писал: «Стихи Палвановой... Это прежде всего сдержанность. Богатство чувств — богатство птиц, которым не позволяешь не вовремя вырываться на волю... На мой взгляд, это голос упорного мастера».

ОСЕННИЕ ДАТЫ

Опять, опять все краски повторились!
Горит округа, памятью соря.
...У вас пошло на лад, вы помирились
В безоблачном начале октября.

Я новости твоей невольно рада,
Я все твое безудержно приму,
А мне и счастья вроде как не надо,
А мне и счастье вроде ни к чему.

Я чувствую себя такой богатой!
Пока горит лазурная листва,
Есть у меня твой голос виноватый,
Твои непоправимые слова...

* * *

На фото — молодая мать
И сын ее несколькoлетний.
Один доверчивей другого
Глазеют в мир мильонолетний.

Ей — это малое дитё
Еще в диковинку, в новинку,
А сыну — здешнее житье
Еще в диковинку, в новинку.

Так и сидят они в обнимку —
Бесстрашные.
И жутко снимку...

* * *

Нынче страшных слов не говорят.
Нынче просто не звонят и не звонят.

Властные, беспомощные дни.
Позвонят: «Был очень занят, извини».

Господи, ну как же не понять!
Приезжают. Не звонят опять.

Господи, как жалко нынче их,
Ненаглядных, загнанных, чужих!

Держат, держат, держат про запас,—
Боже, не бросают нынче нас!..

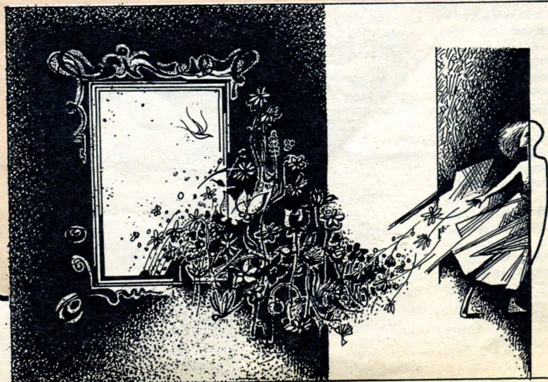
НА РЫНКЕ

Покупаю на рынке антоновку.
Узнаю, что яблоки — тульские.

Я в Туле была.
Мы жили в гостинице.
По ночам
Ты писал доклад,
Я спала.
Бумажки твои
Шуршали, как звезды.

Я спросила у продавца:
«А какая в Туле погода?»
Он ответил,
Что рано утром,
Когда выезжал,
Видел звезды.

Рис. М. БОЙЦОВОЙ.

ОТЧАЯНИЕ И МУЖЕС

**Этот рассказ вы прочтете уже в феврале. За два месяца люди узнают очень многое о трагедии в Армении. Будут сделаны выводы из уроков катастрофы. Будет заложен первый камень первого дома.
А нам надо разобраться, понять: кто же мы? Кто в нашей жизни истинные соседи, истинные сограждане, истинные сострадальцы.**

Нагруженные до предела самолеты опускались на поле ереванского аэропорта почти каждые десять минут. По самым приблизительным подсчетам, максимальная мощность «Звартноца» была превышена в семь раз. Еще сложнее было в Ленинакане и Кировакане: по часу лайнеры кружили над этими городами, ожидая посадки, и для того чтобы дать им приземлиться, каждый самолет надо было разгрузить за 10 минут. А в самолетах — тяжелая техника, мощные краны, хрупкие приборы и медикаменты... Измотанные грузчики — в основном студенты, школьники, солдаты — уходили с поля только на 2—3 часа поспать. Они не знали, какой идет день, не ощущали ни дня, ни ночи, не рассчитывали, на сколько у них хватит сил. Только жадно спрашивали друг у друга: «Есть еще спасенные?..»

Теперь нет ни этого села, ни художника...

К КОНЦУ ПЯТЫХ СУТОК Николай Иванович Рыжков собрал совещание работников агропрома республики. Долго молчал. Люди смотрели на него: как изменился он за эти сутки. Как поседел. Это естественно, сказал он, наконец, что все силы, вся основная техника были брошены в пострадавшие города. Они страшно разрушены, и там так много людей. Сегодня первый раз комиссия Политбюро была в селах. И стало ясно, что мы забыли деревню...— Я не могу понять,— почти выкрикнул он в зал,— что эти пять суток делал агропром республики! Вас восемьсот человек! Хоть кто-нибудь побывал в деревнях, помог?

Зал не ответил.

— Один старик сказал мне,— с трудом выговорил Рыжков,— «Мы думали, что ЭТО случилось на всей земле...» Вы забыли своих людей, бросили их в беде...

Молчание после этих слов, казалось, будет продолжаться вечно. Но вот встал человек:

— Николай Иванович, завтра же утром наши представители разъедутся во все пострадавшие села, чтобы на месте оценить обстановку. Завтра же утром...

И тут я увидела, как наливается краской уставшее лицо Слюнькова.

— Не понял...— сказал он. И через долгую минуту повторил еще более резко:

— Не понял! Вы что же, завтра разъедетесь в сметенные с лица земли села со своими должностями? С пустыми руками? Там не надо обследовать, нечего там обследовать! Там надо помогать! Предлагаю вам,— сказал он уже более спокойно,— за ночь сформировать колонны, загрузить машины всем необходимым — палатками, теплой одеждой, одеялами, продуктами... Туда надо успеть за ночь!

«Вы забыли своих людей» — и в ответ беспомощное молчание зала. Они забыли... Впрочем, кто в это поверит. Надеялись, что в горячке, в су-

ТВО ГОРЬКИХ ДНЕЙ

мятице обойдет их эта тяжелая ноша, горькая чаша. Найдутся другие.

ДРУГИЕ НАШЛИСЬ. Те, кто оказался в то раннее утро 8 декабря на одной из площадей Еревана рядом с Гарником Матиняном, преподавателем радиотехникума, наверное, были потрясены — какую мощь, какое необыкновенно высокое значение и смысл приобрели вдруг два слова, которые он выкрикнул в толпу, куда-то спешащую: «Люди! Сограждане!»

— Люди! Сограждане! — крикнул он.— Я только что оттуда. Я был в деревне и проехал за эту ночь еще несколько деревень. Там страшно. Там нужна помощь! Кто со мной?

И люди остановились и встали вокруг него. Потом они остановили рейсовый автобус. Гарник сказал что-то пассажирам. Автобус опустел, а затем в минуту заполнился добровольцами. Водитель рванул машину в Налбанд — туда, где было начало разлома земли, туда, где земля еще продолжала вздрагивать... Они помчались на помощь — соседи, сограждане, сострадальцы. Как рванулись вся страна, весь мир.

Во время землетрясения 7 декабря в Армении количество выделенной энергии в зоне разрыва земной коры было равнозначно взрыву десяти атомных бомб, сброшенных на Хиросиму.

ЗА СПИТАКОМ, белым городом, теперь похожим на свалку серого строительного мусора, в нашу машину втиснулись четверо парней. Они возвращались из Еревана, куда отвезли уцелевших родственников, в родное село Налбанд. Еще это село зовут Ширакомут, что означает «въезд в Ширак», пригород Ленинакана.

Кладбище на окраине Налбанда: свежие холмики земли оттеснили старые стройные надгробия. За несколько дней здесь похоронено больше, чем за много десятков лет.

— Вот, вот наша могила,— показывает мне один из попутчиков, Юра Затикян.— В ней девять человек. И провожали их всего двое... У нас так нельзя,— хрипит он,— у нас в последний путь провожают все родственники, все село, все плачут и скорбят. Теперь некому!

Люди ходят вокруг руин, бродят туда-сюда по разбитой, ставшей глубоким месивом дороге. Впервые встретившись, на молчаливый вопрос: «Сколько потерял?» — показывают пальцами: четыре, пять, десять...

— ОТКУДА У ТЕБЯ ЭТА КАРТИНКА? Бабка Лена отрыла? — подошел и спросил меня Айваз Иванян, рабочий совхоза «Ширакомут». Долго смотрел на картину, видимо, вспоминая что-то. Потом сказал:

— Лена — особенная бабка... У меня тоже была похожая картинка. Мы с Гагиком Ераносяном, сыном Лены, вместе рисовали. Он садился на одном холме, я на другом, и рисовали одну точку. Ну, вид один...

Я могу все: каменщик, столяр, бетонщик, жестянщик. У нас в семье пятеро братьев, и все могут все. В совхозе мне всегда работа находилась. Директор совхоза (он погиб; когда контору откопали, Агабека Петросяна так и нашли за столом, с ручкой в руке) сказал мне: «Айваз, надо построить еще один корпус лифтового завода. Небольшой. Людей у меня нет. Возьмись». Я взялся. И вот каркас построил, стены уже забетонировал...

Панели я в то утро приваривал. И вдруг корпус закачался, а панели на стенах — бетонные, приваренные уже, попробуй, какие они тяжелые — вдруг захлопали, ну, как крылья у птиц... Я подумал: «Достроился!» И шум какой-то стоит. Потом слышу — дед, сторож наш, кричит: «Айваз-джан, помоги, я идти не могу». Подхватил я его в охапку, тащу, а сам падаю...

Оттащил его подальше, положил на землю, глянул на свой дом (он у меня рядом, через дорогу и огород) — нет моего дома. А свой-то дом я строил на 200 лет. Такого красивого дома

во всем «Ширакомуте» не было.

Каринэ, жена моя, работала на фабрике, как раз ее смена была. Я побежал. В каждом доме кричали. Нет, под каждым домом... Вон там лежала женщина, сильно беременная. Ее придавило перекрытием. Не мог я его сдвинуть. Я ей говорю: потерпи, сейчас помощь придет, сейчас вертолеты спустятся, поднимут эту проклятую балку. А она мне шепчет: «Нет, Айваз-джан, нет, дай руку, подожди, пока я умру». Подождал...

Родители мои недалеко от меня живут. Они в ту минуту выходить во двор собирались. Крыша, задние стены упали, а передняя, с дверью, стоит. Они дверь открыть не могут — я ее вышиб в одну секунду. Вытащил их, сказал: сидите во дворе. Сам побежал. Пыль до неба стояла, грохот, темно было.

Звали в каждый дом. Я говорил: «Люди, я помогу, но у меня дети в школе, жена на фабрике, отпустите меня, или я умру». Но я помогал. Как мог...

Очень долго бежал к фабрике. А подбегал совсем близко, понял — зря. Я только сказал: «Каринэ, прости. Я к девочкам...»

Ты видишь: вот здесь, на картине Гагика, самое высокое и красивое, первое в нашей деревне трехэтажное здание. Школа. В ней учились, наверное, пятьсот детей. Уцелел один класс — 7 «б». И еще, конечно, вытащили человек, может, пятьдесят. Пока не знаю точно.

Со мной что-то произошло. Я часто смеюсь. Мне говорят: «Айваз, ты сошел с ума! Ты только что построил самый красивый дом в деревне, и от него осталась куча мусора».

— Люди! — говорю я им.— Я счастливый человек. У меня уцелели родители, дети, жена. А дом я построю другой, еще лучше.

Да, девочки мои остались живы. Успели выскочить в окно. А Каринэ... Совсем забыл — утром она сказала: «У меня выходной, позволь, я пойду навестить больную тетку!» Это в соседнее село. К вечеру, еле живая, она прибежала домой. Сказала: там так же, как у нас,— ничего не осталось...

Мы хотели спасти детей. Но у нас оказался целым всего один кран. Ночью из райцентра пришли еще два крана, четыре «скорые помощи». Мы не отходили от школы и детского садика несколько суток. «Айваз,— сказал мне один человек,— на коленях тебя прошу, пролезь в эту дыру, там мой сын, спаси его, я не могу, я боюсь, перекрытие сейчас рухнет! На коленях тебя прошу!»

— Там твой сын, не мой,— ответил я ему,— но я полезу. Я лазил в эти дыры много раз...

А бабка Лена свою внучку отрыла. Всю ночь рыла руками в одном месте, как чуяла, что внучка там, и отрыла».

Айваз Иванян водил меня по селу и рассказывал. Рассказывал, кто и как жил в этом бывшем доме, в бывшем соседнем, через бывшую улицу. Он любил это село, этих людей, знал все обо всех.

Господи, как нужны были здесь в первые дни катастрофы люди, сохранившие силы, не потерявшие рассудок в этом аду, способные действовать, способные уверить, что жизнь продолжается, что жить надо и надо заново ладить жилища, выхаживать больных, вместе утолять их горе!

Даже на седьмой день после землетрясения, второй после совещания у Рыжкова, я никого из агропрома республики в Налбанде не нашла.

В течение пяти суток в этом районе было зарегистрировано 367 толчков. Из них 94 — свыше 5—6 баллов.

В ПЕРВЫЕ ДНИ центром жизни в Налбанде стал штаб, который организовали те, кто приехал сюда с Гарником Матиняном. Каждый день с утра из склада, устроенного в палатке, нагружали в машины продукты и развозили по селу. Кому-то доставалось много, кому-то ничего. Измученный новый председатель сельсовета Акоп Иванян (он потерял дочь) сникал и горбился от упреков: что он, недавний прораб, мало знающий свое большое село, мог? Что он мог без грамотной помощи, без дельного совета? Попытался составить списки тех, кто остался в живых, чтобы хоть как-то наладить справедливое распределение. Доверенные люди принесли их. Он сидел всю ночь в палатке, до отказа набитой родственниками, соседями — стонущими, плачущими,— сидел при свете свечи, переписывал в лихорадке и температуре списки и к утру понял, что его обманывают: в спис-

Те, кто, приникнув к телевизору, смотрел репортажи из Армении, сострадая всей силой души, никогда не забудут того, что видели. Как не должны забыть и собственной боли, рожденной состраданием.

Отряд добровольцев приехал в Налбанд — люди одеты в то, в чем шли на работу. Разгребали руками руины, рыли могилы, хоронили. На десятый день трагедии некоторые — уже вконец измотанные, простуженные, больные — уехали в Ереван. Но девять человек из первого состава добровольцев все равно остались: ереванцы Гарник Жораевич Матинян, преподаватель радиотехникума, Эдуард Сарибекович Мкртчан, сапожник фабрики «Люкс-4», Вург Суренович Григорян, электросварщик СПМК-5, Мартирос Владимирович Акопян, водитель горспорткомитета, Асмик Аганесовна Авакян, филолог, Эльмира Сааковна Хачатрян, педагог станции юных техников, Александр Борисович Григорян, скульптор, Гамлет Артушевич Закорян, обувщик, Мераб Багратович Гиголая, работник Грузводснабжения.

Первыми их помощниками стали студенты сельскохозяйственного и политехнического институтов из Еревана. Но очень мало было техники. А та, совхозная, что была на машинном дворе, оказалась уже разворованной, склад запасных частей кто-то взломал и растащил...

Я ЗНАЮ, что этот рассказ вы прочтете уже в феврале. За два месяца люди узнают очень многое о трагедии в Армении. Будут сделаны выводы из уроков катастрофы.

Почему тогда я пишу все это, не могу не написать? Чтобы разобраться, понять вместе с вами — кто же мы? Кто в нашей жизни истинные соседи, истинные сограждане, истинные сострадальцы. А кто — нет.

Вспоминаю зал агропромовцев и говорю себе: нет, там было мало сограждан. Даже на следующее утро после совещания, на шестые сутки землетрясения, когда колонны машин должны были двинуться в разрушенные деревни, некоторые из этих ответственных людей просто не явились на работу.

Соседи, сограждане, сострадальцы — Гарник Матинян, все те, а их были тысячи и тысячи, кто бросился в первый же день на помощь страдающим, разделил их тяжкий труд. Ребята из Запорожского машиностроительного института в полном и необходимом для такой ситуации снаряжении были готовы вылететь в первый же день катастрофы, но вылетели только на четвертый, так и не пройдя все собеседования и согласования, не собрав все печати, которые им было велено собрать.

Они — сограждане! Парни из Ростова, Москвы, Краснодара, Ставрополья — все те, кого можно было встретить в эти дни в разрушенных деревнях и этих четырех несчастных городах.

Люди из Грузии. С техникой, палатками, одеждой, продуктами для пострадавших — эти соседи были в Армении в первую же ночь. Помогали молча, поспевали именно туда, где в них больше всего нуждались. Первые 12 палаток в Налбанде были из Грузии, первый хлеб — из Грузии.

Я встретила ребят из ЦК комсомола Грузии в Лернанске, селе, которое тоже было разрушено до основания: черных, небритых, с воспаленными глазами, сильно простуженных...

Они — сограждане!

Не сограждане те, кто два года назад знал, что здесь возможно сильное землетрясение, и продолжал строить панельные дома практически из песка!

А вы помните, по телевидению уже рассказали, как в разрушенное село привезли продукты, но не было должностного лица (все руководители погибли), чтобы расписаться в получении, и «спасители» уехали, так и не раз-

ках было много умерших...

В ПАЛАТКУ, где располагается штаб, заходят погреться у горячей железной печки, переночевать человек сорок. Люди уходят работать, раскапывать завалы, когда едва начинает сереть небо и закричат петухи. Возвращаются в темноте, машинально едят (хотя две женщины стараются приготовить пищу повкуснее) и падают на ледяные, промозглые матрацы. Снова начинает сереть небо — снова все поднимаются и идут...

— Жители ругают меня, что кому-то не досталось воды, нет машин, чтобы вывезти отрытые вещи, какие-то стулья...— объясняет Гарник.— Я не могу на них сердиться. Сейчас они, как больные дети. А я — начальник штаба.

Вы помните, как он им стал?

(Окончание на стр. 21.)

РАССКАЖУ, КАК Я СТАЛА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КООПЕ

Валентина ГАЛАГАН

К своей новой должности я привыкла не сразу. Бывало, знакомлюсь с людьми — а к нам сейчас со всего Союза за опытом едут — и обязательно споткнусь. Никак не выговаривается: «Председатель кооператива». «Главный зоотехник» иначе звучало, достойнее, что ли. А к слову «кооператив» я раньше и сама настороженно относилась: так и виделись либо моднющая куртка в родном кубанском исполнении с якобы импортной этикеткой, либо шашлык по умопомрачительной цене (наши деревенские прикинули — рублей сорок за килограмм получается).

А потом подумала: чего ж это я глаза опускаю? Ведь цена мяса, которое производит наш кооператив,— 145 рублей за центнер. Свинина и того дешевле: центнер привесов — 122 рубля. Так что стыдиться нечего. А чтобы с тех шашлычных кооперативов сбить «аппетит», и нужно, чтобы таких, как наш, побольше было.

А теперь расскажу, как я стала председателем кооператива.

В колхоз меня пригласил председатель Анатолий Андреевич Завгородний. Переманил из более крепкого хозяйства, где сам работал агрономом после того, как в 1983 году его с председателя райисполкома сняли. За то, что слишком самостоятельным хотел быть. За это же потом, когда время потребовало самостоятельности, председателем колхоза выбрали. Хозяйство — едва ли не самое отстающее в районе. Надои низкие, за десять лет (11-ю и 12-ю пятилетки) увеличились на... один килограмм. Урожаи зерновых тоже далеко не кубанские. Даже не верится, что прошло всего четыре года, а надои выросли на две тысячи килограммов от каждой коровы, к четырем с половиной тысячам подбираемся; зерновых собираем на 15—20 центнеров больше с гектара. Конечно, тут и сорта, и агротехника, и племенная работа в животноводстве. Но ничего бы этого не было, если бы не перестроились организационно, не перешли полностью на арендные отношения.

Мы сразу поняли: только жесткий экономический расчет поможет чего-то добиться. Мы прошли школу коллективного подряда и благодарны ему: КТУ позволил нам выработать привычку анализировать свою работу. Чековая форма контроля затрат приучила к рачительности. Перевод на аренду всех без исключения подразделений помог избежать разъедающей душу зависти у одних и незаслуженных обид у других. Тут ведь главное — не потерять ощущения, что ты часть коллектива. Даже если ты взял индивидуальный арендный подряд, ты чей-то партнер и сам для кого-то опора.

У нас часто спрашивают, как начиналась аренда — «сверху» или «снизу». Что ответить? Пожалуй, начали все-таки специалисты. Видели: коллективный подряд хоть и оживил экономику, но и пробуксовка была значительной. Вот, скажем, я, главный зоотехник, частенько закрывала глаза на то, как дорого обходится нам наша продукция. Перерасход кормов, высокая себестоимость? А, ладно, молоком все окупится. Противозатратный механизм не срабатывал. А на такой «телеге» далеко не уедешь. Хотя многие устроились в ней достаточно комфортно: как бы ни работало подразделение, свои 120—130 рублей в месяц ты получишь. Ну, не будет доплаты, и ладно.

Только при арендных отношениях зарплата стала по-настоящему заработанной. Формируется она по трем показателям: количество продукции, ее качество и затраты на производство. И ни для кого никаких исключений. Мы видели явные преимущества арендных отношений. Но как убедить в этом людей? «Думайте,— сказал председатель.— На то вы и специалисты».

И мы придумали. Восемь семей скооперировались, отремонтировали в свободное от работы время старую кошару, оборудовали ее под свинарник на 400 голов. Дежурили по графику. Как выдержала эти семь месяцев — сама не пойму. Иной раз дежуришь на свинарнике до шести утра, а в семь — уже на колхозной планерке. А тут еще комиссии: даже в райисполком шли жалобы, что, дескать, она же главный зоотехник, корма себе получше с колхозной фермы забирает.

Комиссий мы, конечно, не боялись. Они быстро убеждались, что корма у нас такие же, как у всех. И если поголовье хорошо развивается, то лишь благодаря правильной технологии, рекомендациям науки, дисциплине и старанию. А самым убедительным аргументом для всех были три тысячи, которые каждый из нас получил дополнительно к своей основной зарплате. Как узнали казаки наши, тут же пожаловали в гости — смотреть. Первыми — три водителя: Николай Данилович Браславец, Михаил Александрович Бакуменко, Борис Павлович Чехутский. «А что, если и мы отремонтируем вон тот корпус, в балке?» «Так он же без крыши!» «Ничего, сделаем крышу».

...Позже и это звено вошло в кооператив. В колхозе теперь целая «семья» кооперативов: наш, животноводческий, кооператив механизаторов, растениеводов, кооператив по строительству и еще «Сервис». Пашни у нас 9250 гектаров, вся она принадлежит кооперативу растениеводов. В этот кооператив входят четыре арендных звена, агрохимкомплекс, мехток. Все овощи отданы семейным звеньям.

Очень мы довольны кооперативом «Сервис», который возглавляет Екатерина Яковлевна Пархомовская. Теперь по нашим заявкам каждую пятницу прямо к ферме подходит их спецмашина: пряников напекут, пирожков, колбасы на пищекомбинате из кооперативного мяса приготовят, по 3.50 — 4 рубля. Все вкусное, свежее...

Часть служб осталась при правлении колхоза: отдел кадров, финансово - расчетный центр, отдел социального планирования, отдел материально-технического снабжения

РАТИВА...

Стоп! Полезный пример

Обратите внимание, какой теплый свет льется из окон колхозной столовой. И какие добрые лица у поваров Веры Андреевны Калюжной и Тони Детиной. Уют, хорошее настроение, замечательно вкусные блюда — все это предоставляет колхозникам кооператив «Сервис». И еще он заботится о досуге людей — ведь колхозный Дом культуры теперь тоже в ведении кооператива.

и реализации и т. д. Окладов ни у кого нет, а фонд зарплаты, в том числе и зарплата председателя правления, формируется из тех отчислений, которые кооперативы пе-

На этой ферме теперь тоже кооператив.

речисляют колхозу: это 32 процента от валового дохода. Так что зарплата «конторы» полностью теперь зависит от работы кооператоров. Мы как бы покупаем ее услуги. Конечно, эта форма существования нашего колхоза временная, будет еще развиваться. Возможно, конторские службы тоже создадут свои кооперативы, и председатель колхоза станет председателем ассоциации кооперативов. Да, собственно, продукцию мы уже на таких основах и производим. В нашем кооперативе животноводов тоже арендные звенья. «Большие» — бывшие колхозные животноводческие фермы. И «малая» аренда — те же семейные звенья, или, как мы их называем, подряд на дому. Это очень выгодно: дополнительный доход на семью — три-четыре тысячи рублей в год. Условие только одно: строгое соблюдение трудовой дисциплины на основной работе. Если ленятся, халтурят — кооператив лишает их права на дополнительную работу. Ну, а в случае ЧП и вообще из арендаторов можно вылететь. Недавно скотника-механизатора на четвертой ферме на три месяца исключили за то, что в вытрезвителе побывал.

На четвертой ферме провели собрание: решили во время дойки соблюдать полнейшую тишину. Потому что посторонний шум снижает надои. Ну, а одна из наших доярок, человек шумный, привыкла с коровами не больно цацкаться. Один раз накричала — и лишилась доплаты на 10 процентов: так на собрании было решено. Особого впечатления это на нее не произвело, только обиделась. Не поверила, что всерьез. Продолжала кричать. А когда 50 процентов доплаты лишилась, поняла, что менять свой характер надо. Теперь к ней ни единого замечания. Хорошая доярка. Так что новые производственные отношения еще и в «психологических единицах» измерять можно. Возможно, и научимся этому, ведь наш коллектив — объект изучения Института социологических исследований Академии наук СССР.

Нельзя сказать, чтобы объединение в кооперативы прошло без сучка, без задоринки. Кооператив механизаторов, к примеру, наотрез отказался оставить у себя на прежней должности главного инженера. При прежней структуре и обойтись без него не могли: любую деталь, самую дефицитную запчасть из-под земли достанет. Но сейчас коллективу нужны иные качества от специалиста, которого он намерен содержать. А запчасти доставать — на это есть служба материально-технического снабжения. Вот в этой службе главный инженер как раз и оказался на месте.

Ни один кооператив не взял к себе колхозного бухгалтера, которой скоро на пенсию. Жестоко? Да. Но и кооператоры по-своему правы: им нужен человек перспективный и более квалифицированный. Что делать? Пришлось правлению колхоза поломать голову. Решили оставить при правлении, на прежней зарплате. Надежда Ивановна Глушнева, тоже бухгалтер, в магазин работать пошла. Анна Носикова, доярка третьей фермы, сама не захотела взять на себя дополнительную нагрузку, которая в кооперативе была бы неизбежной. Но работу ей нашли: на санпропускник поставили. И она довольна, и ею довольны.

Проблем у нас еще, конечно, очень много. И проблемы серьезные, принципиальные, и частные, которые тем не менее очень осложняют нашу жизнь. Ну хотя бы такое: непонятно мне, почему я, председатель кооператива животноводов, не могу купить у своих же кооператоров на наши, колхозные деньги, по нашей цене зерно, чтобы самим комбикорм приготовить. Нет, колхоз должен продать зерно заготовителям по восемь копеек, а я его потом у заготовителей приобрету по двадцать.

Или вот: отчислили с 4-й фермы 80 тысяч в счет соцобеспечения. А животноводы мне вопрос: за что? Раньше ведь они слыхом не слыхали про эти социальные платежи. А теперь знать хотят: почему два года назад соцстрах брал четыре процента от дохода, а теперь — четырнадцать?

Вопросов у нас сейчас много. Ответов пока меньше. Но что от нас зависит — меняем, внедряем, придумываем. Вот, например, от саун и медпрофилакториев на фермах мы отказались. Много их понастроили, а часто ли доярка посещает эту сауну? Куда ни приедешь — сауну показывают, как музей... Мы пошли по другому пути — не зря ж кооператоры! «Создали» еще один кооператив — медиков. Где их взяли? В центральной районной больнице. «Арендовали» свободное время двенадцати врачей (район у нас близко). Платим каждому три тысячи в год. И считаем: выгодно. База хорошая, а уж внимание к нам какое! Мы никому дорогу не перебегаем, врачи обслуживают нас только в выходные и после основной работы. Правда, в колхозе вдруг сразу выросло число заболеваний: те, кто не лечился никогда, на ногах болезнь перемогал, получил наконец возможность всерьез заняться своим здоровьем. А в 88-м у нас уже процент заболеваемости ниже, чем по району. Люди подлечились, на курорт съездили. И теперь нормально трудятся.

Так что есть к чему силы приложить. Можно только радоваться: есть и место действия, и время пришло действовать!

Колхоз «За мир и труд», Павловский район, Краснодарский край.

Сделал работу — получай деньги. Свои, колхозные. При окончательном расчете колхоз обменяет их на настоящие.

Фото Е. МАТВЕЕВА.

ГДЕ ПРОДАШЬ — ТАМ И КУПИШЬ

Еще один адрес полезного опыта: Красноармейский район того же Краснодарского края. Думается, это совпадение не случайно: краснодарцы смело ищут новые, нетрадиционные формы работы.

— Пожалуйста, полкило говяжьей вырезки, шесть котлет, пакет теста.

— Утром поступили гуси, не возьмете?

— Взвесьте небольшого.

...Что и говорить, привыкли мы видеть колхозников, отправляющихся в город за провизией. Откуда же такое изобилие в сельмаге поселка Октябрьский, центральной усадьбе агрофирмы «Красноармейская»?

Начиналось все так. Сельчане хуторов Мирный, Дружный, Водный, Первомайский, Октябрьский часто отправлялись в выходные дни в Краснодар, и не с пустыми сумками. Везли на рынок мясо, сало, обратно — колбасу. Нередко на село наведывались расторопные заготовители: покупали излишки. Но не у всех же есть свое хозяйство! А в местных магазинах по-прежнему шаром покати.

Агрофирма, сельсовет и сельпо ломали голову над тем, как обеспечить односельчан продовольствием. Депутаты сельсовета предложили объединить силы и открыть магазин нового типа, который бы сам, без посредников, покупал у населения по договорной цене излишки с домашнего подворья: мясо, птицу, овощи, фрукты, готовил полуфабрикаты и тут же продавал их.

Мясо в этом магазине принимают по три рубля за килограмм. Продают, конечно, подороже. Домашние колбаски, к примеру, по три шестьдесят, фарш — по четыре рубля шестьдесят восемь копеек.

— К нам заходят уже ранним утром по дороге на работу,— рассказывает заведующая магазином И. Н. Омельчак.— И в обеденный перерыв у нас есть что взять. И выбор полуфабрикатов неплохой.

...В магазин зашли женщины, возвращающиеся с дойки.

— Николаевна, шницели есть?

— Есть, мои хорошие. Только что рагу приготовили, свеженькое, не возьмете?

Татьяна ЛУЧКОВА

Первые чудачества

Человек приезжий, сойдя с автобуса в Нижней Синячихе, удивится: какое чудо сохранило эту деревню? Девятиглавая церковь в ограде, часовенка, сторожевая башня, мельница, а окрест утонувшие в снегах крестьянские дома. Тихий пейзаж прошлого столетия. Сразу и не разберешь, где деревня, где музей, будто от века так тут все и было... Не было!

24-летний фронтовик вернулся с войны и первым делом женился. Аня ходила в их огород полоть бабушкину грядку, была тихой и приветливой, и когда боевой офицер, краса и гордость деревни, позвал ее замуж, причин для отказа не нашлось. Иван Данилович купил два тоненьких колечка, чтобы все видели: теперь они, Иван и Анна, обручены.

Послевоенная деревня, оплакав погибших, потихоньку возвращалась к жизни, вспоминала праздники, песни, кадрили. Иван Данилович приметил, что жена его праздникам радуется, но веселиться не научена, ни плясать, ни петь не умеет...

Двухлетней девочкой вместе с отцом и матерью Аня была сослана на север, в болота и гнилые леса. «Что ты помнишь из той жизни?» — допытывался муж. Аня помнила: мать стоит у печи и печет тонкие золотистые блины, а она подле на стульчике сидит, ждет. Только это запомнила — нечаянно радостную картинку из всего полуголодного барачного детства. Работа на торфе быстро свела мать в могилу, Аню забрали к себе дед с бабкой, жили то там то сям. Ни счастливого детства, ни веселого отрочества она не знала — такую жену надо было вдвойне жалеть!

А Иван Данилович не утерпел, поступил учиться в Загорский сельхозтехникум. Анна его уже сына нянчила, а он, взрослый мужчина, хозяин и кормилец, соберет тетрадки и едет на сессию. Другая, может, и укорила бы: «Люди не учатся, а лучше нашего живут!» Его Аня молчала.

На странности мужа поначалу и внимания не обратила. То досточку с лазоревыми цветами в дом тащит, то позеленевший поднос, то иконку, то лампу керосиновую. Переехали из деревни в Алапаевск, в городскую квартиру, и... вовсе житья не стало. Из каждой командировки (работал он зе[мле]мером) Иван Данилов[ич] возвращался навьюче[н]ный как верблюд — вол[оком] пудовые старинные кни[ги], ведерные самовары, д[о]ски, бывшие некогда ра[с]писными потолками... Д[о]ски и бревна перепров[а]живались в деревню, в а[м]бар к племяннику. [И] и без них поворачивать[ся] в доме было все трудне[е]. Анна Ивановна внача[ле] ворчала, а потом прекр[а]тила, все равно без толк[у] мужа не переспоришь, и [со] вздохом выдавала день[ги] на покупки. Спрашива[ла] только: зачем ему это ст[арь]ье, ведь люди смеются...

— Пойми,— объясн[ял] Иван Данилович,— хаял[и] хаяли старую жизнь, в[от] и стала она смешна. Го[рн]ицы расписные лома[ли] на дрова, иконы нашег[о] алапаевского письма жгу[т]. Хватимся потом, где э[та] красота, а ее и след пр[о]стыл...

Анна Ивановна слуша[ла] мужа внимательно. Урал[ь]ская роспись по дереву [—] нежных сказочных цвето[в] с какой-нибудь строгой [с]вушкой, словно стерег[у]щей хозяйку от баловств[а] и впрямь нравилась [—] больше бумажных обое[в]. И потом: не на водку ве[д]...

Двадцать лет назад от села ничего, кроме храма с порушенными главками, не осталось, а на тот и смотреть было больно. И, зная, что сделано здесь все стараниями одного человека, Ивана Даниловича Самойлова, не удержишься и спросишь: «Да как же вы один?..» «Да не один я,— терпеливо возразит Иван Данилович.— Одному бы мне ничего не сделать».

муж тратился, блажь у него, понятное дело, но какой мужик по-своему не блажной...

Окончив техникум, Иван Данилович испросил у жены позволения учиться дальше, поступил в Московский институт инженеров землеустройства, на отделение с архитектурным уклоном.

— Это, Аня,— гордился,— самый важный институт прежде в России был, страна-то крестьянская, а хлеб без ума не растет.

Но и в страсти своей не унялся. В их двухкомнатной квартирке в спальне остался один узкий проход.

Анна Ивановна уже наизусть знала, как какая вещь мужу досталась, уж и переживать вместе с ним начала. Разные люди ему попадались. Один хозяин, заметив интерес землемера к расписным досточкам, из которых загончик для свиньи сделал, тянул и тянул из него деньги, пока собственная жена не пристыдила: «Что над человеком измываешься, отдай ему эти дрова». А однажды пришел Иван домой печальный, развернул вещь невиданной красы — плащаницу Богородицы, шитую хрусталем и аметистами. Анна Ивановна даже руками всплеснула: сколько ж это может стоить?!

— Монашенка наша Анна Павловна померла, вот благословила перед смертью...

Этой бывшей монашенке Иван Данилович не один год дрова возил, поддерживал одинокую старость. И это за ним водилось: прикипит сердцем к какой-нибудь старухе и заботится... Жена удивлялась: как его на все хватает? А он ее терпению поражался: ведь по ползарплаты на свои чудачества тратил! Да командировки, да отлучки на сессии! Получив диплом, стал Иван Данилович главным специалистом в районе — инженером-землеустроителем.

— Еще учиться-то будешь? — поинтересовалась Анна Ивановна. И не удивилась бы положительному ответу. Но мужтаки ее огорошил:

— Учиться не буду. Храм буду строить.

Кто заступится за храм?

Спасо-Преображенскую церковь в Нижней Синячихе Анна Ивановна видела. На продавленной кровле у нее березки росли. Но не то ее заботило, что не справится муж. Другое пугало: храмы повсюду в небрежении стоят, от иных и не осталось ничего, людям крепко в головы вбито, что рушить — это хорошо. А ее Иван Данилович строить вздумал...

Прежде над учебниками ночами сидел, теперь принялся вычерчивать планы и проекты, составлять сметы. Хвастался, как маленький: «Знаешь, сколько б с меня институт за проект реставрации содрал? А мой труд ничего не стоит, не зря, видишь, учился!»

И началось! Бывало, по два раза на дню ездил Иван Данилович в Нижнюю Синячиху, к своим пенсионерам, что чинили кровлю. Автобус тогда от деревни шел только полпути, пять верст до Алапаевска надо было топать пешком через лес.

У Анны Ивановны без мужа все из рук валилось. Сидела у окошка одна, сын взрослый уже в Свердловске жил, потом не выдерживала, выходила на площадь. Мерещились ей разбойники в лесу, душа страхом исходила... Усталый Иван Данилович, заметив фигурку на темной площади, бежал обнять жену, корил себя, клялся, что это в последний раз. Но клятвы нарушал: конца и края работе не было.

Однажды приметила Анна Ивановна неладное. Ходят и ходят к мужу какие-то люди, разговор недобрый слышен.

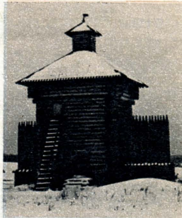
— Да что там у тебя стряслось? Признавайся!

Иван Данилович и выложил как на духу: не может с бригадой штукатуров расплатиться, на все предприятия района письма отписал с просьбой помочь реставрации, заступиться за местную культуру, подбросить в районное общество по охране памятников денег — никто не отозвался.

— Сколько задолжал-то? — спросила Анна Ивановна. Оказалось, две тысячи! На сберкнижке у нее как раз в ту пору эти деньги были — за дом и корову, что продали, когда переехали в город,— хранила их Анна Ивановна, как всякая русская женщина, на черный день. Но тут и думать не стала, больно голоса в передней ей не понравились. Сказала: «Возьми». И только слова эти вымолвила, у мужа из глаз слезы брызнули.

— Да что ты, Иван Данилович,— испугалась.— Разве ты этих денег не стоишь? Да не плачь ты, не пугай меня!

Плакал он потому, что не знал такой свою Анну Ивановну. Он и сейчас, прожив с ней сорок лет, твердит, что не все кармашки ее души ему ведомы.

Против течения

Анна Ивановна как в воду глядела: не поняли мужа в районе. Слушок пошел, что тайный верующий он, хоть и коммунист, на собраниях его склоняли, товарищи прежние здороваться перестали. Но главная беда вышла не из-за храма. Когда деревни объявили неперспективными, Иван Данилович помрачнел, из командировок возвращался расстроенный.

— Если и десять дворов,— растолковывал жене,— а рядом пашня, покосы, пастбища, это ведь жизнь! Обидели людей, они уж с мест снимаются. И не на центральную усадьбу едут, а в город. На центральных-то пока ни одной квартиры не построили, а в маленьких деревнях уже школы закрывают, скоро свет отключат...

Как главный землеустроитель, изо всех сил отстаивал он еще живые деревни, но встречал в разных начальственных кабинетах ледяной немигающий взгляд, словно один человек повсюду сидел и ничего нельзя было ему объяснить.

А у Самойлова в то время после долгого, безнадежного с виду труда наконец просвет наступил: сняли леса, оголились главки, верхняя часть храма засияла как новенькая! Он был вправе ждать доброго слова, а услышал другое: вспомнили ему, как шесть лет назад отпел отца в церкви, завалил предприятия своими просьбами о помощи, с неперспективными деревнями воду мутит... Иван Данилович пошел по районным кабинетам искать справедливости, а вышел с инфарктом.

Анна Ивановна мужа в больницу не отдала, сама выходила.

С тех, пожалуй, пор что-то в ней стронулось. Раньше в мужнины дела не мешалась, но, когда ясно увидела, что одинок он, бьется, бьется, а поддержки почти не находит, стала сама ему помогать. Кто же, если не жена, мужу поможет?

Церковь Иван Данилович предназначал для музея, а экспонаты были все тут, дома, громоздились под потолок. Реставрация церкви шла к концу, когда принялась Анна Ивановна приводить вещи в порядок. Роспись уральскую отмывала, самовары песочком чистила до золотого сияния, кипятила вышитые полотенца, отчищала от столетней пыли прялки. И чем больше старалась, тем милее становились ей эти вещи, в которых душа мастера отпечаталась как наяву. Принялась и сама шить, вышивать под старину.

— Может, эту иконку или коврик в дому оставим? — просила у мужа. ▷

КАК ИВАН ЖЕНУ АННУ К ДЕЛУ ПРИСТРОИЛ

— Ну что ты,— не соглашался Иван Данилович.— Тут мы вдвоем, да сын с внучками приедет полюбоваться. А там люди будут смотреть.

— Может, бабушкино

приданое внучкам на память сохранить? — робко спрашивала Анна Ивановна. Но муж и приданое в музей выманил.

Художники отказались отмывать алтарный потолок: там стояла бочка, где жгли дрова, и прокоптила роспись до сплошной черноты. Пришлось Самойловым вдвоем отмывать, стоя на лесах. Не молоденькие уже были, а на работу набрасывались с молодым пылом. Теперь вечерами Анна Ивановна шагала вдвоем с мужем те пять верст лесом, что прежде так ее пугали.

Накануне открытия народного музея в сентябре 1978 года записал Иван Данилович в дневнике: «Еще много, много раз себе повторяю: бог ее мне в окошко подал, как она много для меня делает».

Потом смеялась над собой

Шел как-то Иван Данилович по городу и услыхал, как мужики препираются: «Ты кто? Никто! А я из Нижней Синячихи, где музей!» Посмеялся и дальше пошел, а на душе стало весело. Люди потихоньку вразумляются, понимать начинают, что нельзя отрекаться от прошлого. Иван Данилович не поленился посчитать, чем обернулась кампания против неперспективных деревень: из одного лишь совхоза уехало больше 200 семей, а на центральной усадьбе за десять лет выстроили всего 12 квартир... Но меняются времена, сознание людей мало-помалу преображается. Стал он получать письма с просьбой прислать фотографии уральской росписи, потому что надоел, приелся стандарт, люди соскучились по живой работе. Вот и пацаны деревенские, что во время реставрации донимали своими набегами, ходят теперь по музею осторожненько, расспрашивают, что и как. А главная, тайная его радость: жена свой интерес в его деле нашла!

Все выходные неотлучно при нем, гостей принимает, а потом после этих толп полы в музее моет.

Анна Ивановна уже не удивилась, когда муж приоткрыл ей новую цель — сделать в Нижней Синячихе музей деревянного зодчества, свезти из обезлюдевших деревень часовенки, старые усадьбы, сохранить жизнь и быт прежних времен. Пронумерованные бревнышки скатывали в срубы, и снова обнаруживались пыль и копоть прошлых столетий.

Всего трудней достался Анне Ивановне семнадцатый век. Век этот не знал краски, но древние полы из колотых плах были закрашены десятком позднейших слоев. Иван Данилович жаждал увидеть чистое дерево, и до дерева этого Анна Ивановна добиралась добрых две недели — размывала краску каустиком, песком терла, бросала в сердцах заколдованный пол и все-таки доскреблась до проклятого века!

А в усадьбе прошлого столетия, наоборот, красила — окна, двери, чтоб каждый уголок в расписной избе чистотой сверкал и глаз радовал. Выдергивала старые тряпки из пазов, мыла, сушила, затыкала обратно и закрашивала. Как-то не хватило ей одной тряпочки, сорвала с головы косынку, чтоб уж дело доделать, и в паз! Потом смеялась над собой...

Мечтала Анна Ивановна выйти на пенсию, сесть перед телевизором и салфеточки вязать. Вот и срок подошел исполниться ее желанию, когда сбылась мечта мужа: в июне 1988 года Нижнесинячихинскому музею присвоили статус государственного, дали штаты. Счастливый Иван Данилович словно скатерть-самобранку перед Анной Ивановной раскинул:

— Выбирай, кем хочешь быть?

Посмотрела она на мужа и не решилась признаться в своей мечте. Поразмыслила и от должности экскурсовода отказалась.

— Народ в любую минуту может приехать, значит, мне из церкви не отлучиться, а у меня интерьер в семнадцатом веке недоделан.

Выбрала скромную должность смотрителя. Но успевает и экскурсии водить. Любимые ее экспозиции — в двух деревянных часовенках. В одной — акварели алапаевской художницы Анны Ивановны Трофимовой, в другой — коврики Христины Денисовны Чупраковой, тоже местной. Анна Ивановна любит рассказывать:

— Христина Денисовна немного смущалась: «Всю жизнь в куклы проиграла»,— о себе говорила. Простая женщина, грамоте подле своих детей выучилась, но какой талант! Коврики ее в Англию путешествовали. А уж намучился с ней Иван Данилович! «Раздарю свои работы подружкам на память, а то в гости редко заходишь!» — так его дразнила. Он за каждый ее коврик дрожал, ведь детишки придут смотреть, глядишь, и за рукоделие возьмутся! Тезка моя, Анна Ивановна, совсем другая по складу была — тихая, доверчивая, все людям отдаст. Как вышла на пенсию, дар в ней прорезался — акварели писать. Обе теперь покойницы, а здесь у нас люди на их работы смотрят, здесь память по ним светла.

Человек приезжий сойдет с автобуса в Нижней Синячихе, побывает в церкви, в часовенках, в усадьбах, побродит по берегу реки, полюбуется на этот странный, непохожий на музей заповедник. Удивится, задумается... Что еще? А еще хорошо бы ему заглянуть в городскую квартиру Самойловых. Смотреть там, в сущности, не на что, но на это «ничто» и следует посмотреть внимательней.

Одни не могут спокойно наблюдать красоту, жертвуют всем, чтобы собрать и сохранить ее, и на том им спасибо. Другие делятся своим богатством с обществом, и за это мы им благодарны. Третьи, не имея сил при жизни расстаться с коллекцией, завещают ее государству, и мы поражаемся их щедрости. Но есть и совсем особые люди, что отдают без остатка в общее пользование все, что у них есть.

Один-единственный расписной туесок заметила я на кухне у Самойловых. В нем Анна Ивановна держит аптечку. Не ровен час забарахлит у Ивана Даниловича сердце, а дороже его сердца для нее ничего нет.

Татьяна ШОХИНА
д. Нижняя Синячиха,
Алапаевский район,
Свердловская область.

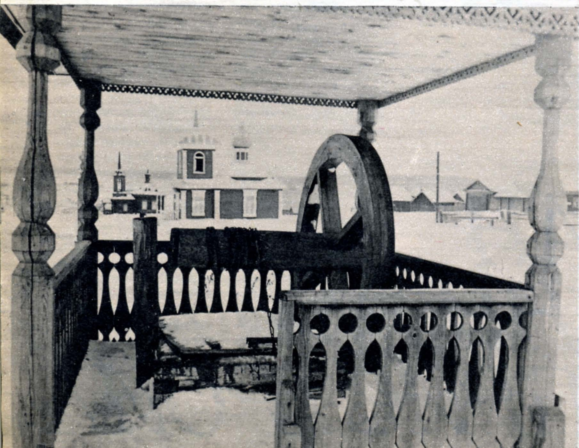

Фото Н. САФРОНОВОЙ.

О выражении лица, с которым женщина входит в дом

В наши дни почти исчезло слово «эмансипация». Лично я не вижу в этом ничего удивительного, а лишь одну из примет того времени, когда мы решились наконец посмотреть в глаза реальности и выяснили, что, в сущности, подлинной эмансипации, то есть уравнения в правах женщины еще и не было вовсе, как не было многого другого, что считалось существующим... Однако сегодня хочется поговорить о том резерве, который существует в нас самих и который используем мы плохо, мало.

То, что государство реально, хотя и не настолько быстро, как хотелось бы, пошло навстречу семье, матери, мужу, ребенку, вселяет в нас надежду на лучшее. Но ведь что-то надо делать немедленно и самим, не дожидаясь государственных мероприятий! Помочь себе можем мы только сами. И, по-моему, самое главное, что можем мы сделать сами,— ликвидировать дефицитнейший из дефицитов. На сегодня он не в предметах туалета, не в косметике, не в бижутерии (хотя нельзя сказать, что и то, и другое, и третье в избытке). Истинный дефицит сегодня — приветливое выражение женского лица. Давайте поглядим друг на друга, когда мы возвращаемся с работы, стоим в очередях, пытаемся получить справку или едем в автобусе домой, и мы увидим, что практически выражение лиц ничем одно от другого не отличается: в них раздражение, усталость и даже готовность сцепиться с соседом или соседкой по любому поводу. «Лица необщим выраженьем» отличаются иногда молодые девушки. И на них-то, усиливая атмосферу всеобщего женского раздражения и возникающей вдруг женской солидарности, с удовольствием останавливаются взгляды мужчин. На лицах женщин запечатлен прошедший день: нелегкая работа, и хорошо еще, если **работа,** дающая чувство полноценности прожитого; хуже, если целодневное безделье от звонка до звонка в иной малой конторе, с бессмысленной, ежедневно повторяющейся болтовней, сообщениями о том, где и какой дефицит, по слухам, выбросят... А начальник кричит — замечено, что там, где нечего делать, где не налажен трудовой процесс, начальство, создавая видимость деятельности, кричит много и часто, постоянно дергает работников, грозит увольнением, лишением премий и прочими карами. Так что **работать** не в пример лучше.

Итак, закончился рабочий день, начинается второй: отстоены очереди, отзавидовано тем товаркам, кто привез что-то из Москвы или Ленинграда... И вот так оно вызрело, выражение лица, с которым женщина входит в свой дом. Она сердита, устала, некрасива, раздражена тем, что предстоит еще работа по дому — уборка, стирка, кормление скотины. И подсознательно она ищет виноватых, кто мог бы расплатиться с нею за труды и хлопоты. А «виноватые» — они вот, рядом, самые родные, самые близкие и единственные, кого она любит больше всех: муж, дочь, сын... Остановимся хотя бы перед входной дверью, «наденем лицо», как советует восточная пословица. Вспомним за мгнове-

ние до входа, что увидим сейчас своих любимых детей, своего мужа. То, что составляет наше счастье, смысл нашей жизни.

Но как часто мы этого не вспоминаем! Тогда давайте поймем, что то раздраженное и агрессивное существо, каким мы появляемся на пороге дома, вряд ли способно вызвать нежность, сочувствие, любовь, желание. И вот это существо в более или менее яркой форме учиняет разносы: за то, что в доме не сделано, и за то, что сделано не так; за то, что ужин не приготовлен, или за то, что мужа еще нет дома и неизвестно, когда он придет... Мало ли найдется предлогов для **компенсации,** возмещения на своих близких за неудачно или трудно прожитый день!

Читаю письма, присланные в журнал, и думаю, что матери, возможно, и не подозревают, как пишут о них дети.

«Возвращаясь сердитая с работы, меня мать с детства лупила за все — за разбитый будильник, градусник, а мне тогда было 3—4 года. А что вышло из этого? Выросла я запуганной, тупой, злоба на все и на всех, нервная. Меня и в школе все поэтому не любили, не только сверстники, но и учителя. В 17 лет вышла замуж, родила. И до того жизнь кажется длинной, страшно даже становится, сколько мне еще придется пережить». (Л. Б., Краснодарский край.)

Страшные строчки! Вот вам лишь один пример компенсации за компенсацию, возмещения всей жизни дочери за плохое мамино настроение.

«Наша мама не очень думала о нас... Когда она меня била, я никогда не плакала и за это получала еще больше. А потом я уходила в заросли бурьяна, брала свою кошку и жаловалась ей, как мне больно и обидно, и плакала, плакала...»

Видимо, Лена Б. из Евпатории, приславшая письмо, строчки которого приведены, была доброй девочкой, потому что по теории возмещения злом за зло кошке должно было бы доставаться больше всех... Но и Лена, которую в детстве била и ругала мать, выросла и стала, судя по ее письму, несчастной женщиной: можно ли удивляться тому, что с сильнейшей разрушительной силой сказываются на личности недоброта и несправедливость самого близкого человека?

На ту же неровность, губительную для отношений, жалуется Ирина П. из Якутской АССР: *«Если мама пришла домой огорченная, то у нее всегда бывает плохое настроение. Часто она портит его и мне. Я ее даже люблю, но бывают моменты, когда я ее ненавижу. И, что характерно, «заводится» она на целый день. Самое же обидное, что я знаю: она сожалеет о своих поступках, хочет, чтобы все было по-другому. Она меня любит, очень любит. Я пыталась ей помочь, но не смогла...»*

Это дети. Тонко чувствующие, умные, а главное, любящие нас дети. Как хотят они справедливости и мира в семье!

А всегда ли мы справедливы к мужьям? Сомнительно. Почта «Крестьянки» наполнена словами о мужчинах, которые «не понимают, не помогают, смотрят на сторону».

Но не будем сегодня говорить о мужьях, поговорим о нас самих, какими мы входим в дом и предстаем перед глазами мужчин, тоже, кстати, усталых. Как мало в письмах критического отношения к нам самим! Как мало сочувствия к мужьям, у которых рабочий день часто ненормирован, зависит от десятков причин, но женщине все равно надо, чтобы соблюдалась своего рода «дисциплина семейной жизни». И нередко ни в чем не повинный муж, придя домой позже, чем «положено», слышит не слова сочувствия, а снова упреки и крики. А потом возникают отчаяние, появление соперницы, непереносимая душевная раздвоенность: *«Я с ней специально встретилась — после испытала разочарование и стыд за мужа — обыкновенная заурядность... Самое простое средство избавиться от этой гадости в душе — развод. Но разводиться мне не очень-то хочется: тяжело без мужчины в доме, опять одиночество, сын без отца...»* (К. И., Кировская область.)

Вспоминается коротенький диалог двух женщин. Красавица спросила у своей довольно-таки невзрачной соперницы: «Интересно, что он нашел в вас». «Очевидно, то, чего не было в вас»,— вежливо ответила та. Не сами ли мы создаем тот порочный замкнутый круг, в котором уже трудно понять — раздражение ли, попранное чувство собственности рождает ревность или из ревности рождается постоянное раздражение.

Сколько ни написано о ревности, как ее ни определяй, неизбежными составными частями ее всегда будут подозрительность, недоверие, оскорбления, порою слежка, а над всем этим — грозная, неумолимая любовь. Тяжело. Ревность раскачивает стены дома, разрушает их, открывая обоим супругам простор на все четыре стороны. К тому же опыт подсказывает, что если для ревности есть причина, она лишь возрастает от скандалов, если нет — оскорбляет мужа. И все же как трудно заставить себя справиться даже с ее призраком! Вот рассказывает историю в письме женщина, пожелавшая остаться неизвестной. После пребывания мужа на курорте по домашнему адресу к праздникам стали приходить открытки из города В. Писавшая не скрывала своего имени, муж на письма не отвечал — видно, было уже не до вежливости — и упорно отвергал всякие подозрения. Однако жена, собрав все послания, отправила их в УВД города В. с требованиями разобраться, принять меры и прочее. Оттуда ответили в том смысле, что морально-бытовыми вопросами не занимаются, но не поленились переправить переписку с сопроводиловкой на место работы мужа. Партком предприятия историей почему-то заинтересовался. Жена не пишет, какие оргвыводы были сделаны, но, право, кажется мне, трудно придумать более удачный повод, чтобы начать разрушать свой дом... В сущности, ревность — это тоже своего рода способ компенсации. Ведь женщина, уверенная, что ее дом хорош, уютен, не так страшится соперниц. А в теплом и уютном доме жизнь гораздо чаще идет естественной чередой, чем в том, который открыт всем ветрам: естественно взрослеют дети, вместе старятся муж и жена, охотно приезжают внуки, и от этого дома оторвать мужчину невозможно.

И еще одно, чем грешат многие из нас и тем тоже разрушают свой дом,— это возникающая вскоре после свадьбы ненависть жены ко всем увлечениям мужа — рыбалке, мотоциклу, друзьям.

Первое место, как правило, занимают друзья. Они быстренько все понимают и исчезают с горизонта. Впрочем, муж всегда знает, как их найти, а друзья находят способы отомстить жене за неприязнь. На втором месте, разумеется, мотоцикл. *«Наступило лето, он все время отдает мотоциклу и друзьям, а в свободное время говорит, что устал и хочет спать. Мои слова он абсолютно не слушает, только улыбается или поет песни»,*— жалуется в письме К. Н. из Иркутской области.

Я не оправдываю мужа К. Н.— он поступает грубо и вызывающе, но, повторяю, сегодня речь не о мужьях. Бывают женские слова, упреки и жалобы, повторенные столько раз и столь бесполезные, что не лучше ли иногда промолчать и призадуматься над тем, отчего же муж «поет песни» в ответ на упреки жены.

Но главное не в песнях. Главное — в мотоцикле и друзьях (иногда мотоцикл заменяется лодкой или машиной). Хоть криком кричи: дорогие женщины, неужели вы не понимаете, как мало у наших мужчин развлечений, особенно в сельской местности и маленьких городах? Попробуйте разделить их с ними, повосхищаться мотоциклом и приветить друзей — и скорее всего вам отплатят добром и доверием. К тому же — что поделать? — женщина была, есть и будет душой дома, этого не отменят никакие преобразования. А второе — будем надеяться, что дождемся мы до социального переустройства, на которое наваливаемся сейчас всем миром, во имя семьи и для семьи. Это будет не просто прежняя программа — с детсадиками, где в группе 40 человек, с педиатром, который пишет, а не осматривает малыша, не с такими школьными педагогами, при которых родители ощущают, что отдали своих детей в заложники. Это будет что-то новое, что позволит женщине не «дополнительно» быть матерью, а уравняет ее общественные права с материнскими.

Не так быстро, как нам хотелось бы, однако это переустройство идет. Только «если женщины в своих бедах будут считать виноватыми кого угодно, но не себя, это путь к несчастью»,— сказал в повести «Спасение погибших» писатель В. Крупин.

«Наденем лицо» за мгновение до входа в дом, если хотим, чтобы нас любили наши дети и наши мужья. Трудно? Не спорю. Труднее даже, чем работать или стоять в очередях. Но все равно мы должны входить в дом со спокойствием и доброжелательностью. Еще одно соображение заставляет меня написать это. Сейчас, когда мы решились и осуществляем серьезнейшее переустройство, огромно возрастает ответственность за жизнь каждого человека. И наших мужчин в частности. Все-таки так вышло (а может быть, так и нужно), что бóльшую долю ответственности они взяли на себя. К тому же они более самолюбивы, их легче сломать (мы — гибче), их честолюбие сильнее, а потому более ранимо. И единственное место, где мужчина может перевести дыхание, чтобы завтра снова брать на себя ответственность,— это дом. Давайте сохранять его теплым и уютным. Пожалеем мужчин и поможем им.

Наталья БАРМИНА

Снимок прислал на наш фотоконкурс А. СТЕПАНЕНКО.

ЧИТАЙТЕ В «ХОЗЯЮШКЕ»:

- Каков характер — таков и костюм
- Не то шапка, не то шарф
- Семь стихий и мы
- Как обманули Наполеона

Кто-то любит в одежде строгие линии, а кому-то по душе — мягкие, женственные. Сегодня мы решили угодить и тем, и другим, предложив два костюма в разном стиле.

Один — с коротеньким, до талии, жакетом (его называют «спенсер») и широкой юбкой — выглядит остромодным и в то же время строгим, деловым. Он особенно подойдет молодым высоким девушкам. Другой — для женщин постарше. Такой традиционный тип костюма с жакетом, отделанным цветной бейкой, именуется «шанель». Жакеты эти, хоть они и совсем разные, можно сшить по одной основе-выкройке. Размер 44—46 (164—88—98). Вы скажете: опять все для молодых и стройных! Необязательно для молодых — «шанель» с узкой юбкой подойдет всем, если, конечно, позволяет фигура. Но мы не забыли и про полных: в апрельском номере нашего журнала мы планируем дать модели красивые и простые в исполнении, вобравшие в себя все заявки, пожелания, высказанные вами в письмах «Хозяюшке».

Ну, а пока «спенсер» и «шанель».

НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ МОЛОДЫХ, НО ТОЛЬКО ДЛЯ СТРОЙНЫХ!

МОДЕЛЬ 1. Коротенький жакет и очень широкая юбка-«солнце». Расход ткани 3 м 50 см при ширине 150 см.

Шьем жакет. Детали переда складываем лицевой стороной внутрь по средней линии, сметываем. Стачиваем вытачки, начиная от срезов, и заутюживаем их к середине переда.

Стачиваем полочки со спинкой. Швы (ширина 1,5 см) разутюживаем. Сшиваем обтачку и подборты (швы 0,7—1 см разутюживаем) и притачиваем вместе с прокладкой на лицевую сторону изделия лицевой стороной вниз. Ширина шва 0,7 см. Шов во внутренних углах надсекаем. Обтачку отворачиваем и подшиваем изделие на 2—3 см. Стачиваем части рукавов, ширина швов 1,5 см. Швы разутюживаем. Рукав по низу перегибаем в сторону изнанки, застрачиваем на 0,1—0,2 см, еще раз перегибаем в сторону изнанки на ширину подгиба и прикрепляем ручными стежками.

Припосаживаем окат рукава и втачиваем его. Ширина шва 1,5 см. В изделиях из шерстяных тканей посадку сутюживаем.

Все швы обрабатываем зигзагообразной строчкой. Пришиваем подплечники.

Шьем юбку. Стачиваем боковые срезы, на левом оставляем разрез для втачивания «молнии». Швы разутюживаем. Втачиваем застежку «молния».

Обрабатываем пояс, проложив прокладку. Притачи-

(3—4 см). Жакет полуприлегающего силуэта со швом по спинке и вытачками по переду. Юбка укороченная, прямого силуэта, слегка зауженная книзу. Такую юбку лучше делать на подкладке, чтобы она не вытягивалась.

Все выкройки даны без припусков на швы.

Т. АНДРЕЕВА,
модельер.

ДЕТАЛЬ СПИНКИ

ДЕТАЛЬ ПЕРЕДА

ПЕРЕДНЕЕ И ЗАДНЕЕ ПОЛОТНИЩА ЮБКИ

1 ДЕТАЛЬ РУКАВА

2 ДЕТАЛЬ РУКАВА

ПЕРЕДНЕЕ ПОЛОТНИЩЕ ЮБКИ

ЗАДНЕЕ ПОЛОТНИЩЕ ЮБКИ

ваем пояс. Шов отгибаем на расстоянии 0,1 см от подогнутого края. Низ подгибаем на 0,5 см, затем на 1 см и подшиваем на машине или вручную.

МОДЕЛЬ 2. Жакет в стиле «шанель» и прямая юбка. Конструктивные особенности нанесены на чертеж цветной линией. Расход ткани 2 м 50 см. Эту модель желательно выполнить из гладкой шерстяной ткани или ткани с очень мелким рисунком. Борта, горловину и низ рукавов обрабатываем однотонными бейками

ПРИНЦИП «НОЛЬ — ВОСЕМЬ»

«0» — это общий вид, «8» — так надо сложить этот «0», чтобы получилась... шапка. Впрочем, все по порядку. Любым способом из любых ниток (вес примерно 350 г) вяжете кольцо диаметром 75 см и высотой 40—45 см. Складываете его в восьмерку, продеваете голову в оба кольца, но! Одно остается на шее, другое на голове.

40-45

75

Такую шапку-шарф можно носить и как шаль, на плечах, продев в кольцо руки — тепло и модно.

Г. ЗАХОДЕР

ЭТОТ ВЕЧНЫЙ БЕРЕТ

Вы, конечно, помните: в номере 8 за прошлый год мы предлагали вам самостоятельно сшить берет. Этот универсальный головной убор всем к лицу, и носить его можно практически в любой сезон. Раз так, пусть у нас их будет несколько. Не только сшитые, но и связанные.

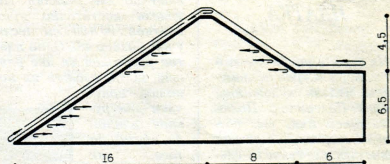
Но какой фасон нынче носят? Не сомневайтесь, с высоким ободком. Связать такой берет очень просто. Вам потребуется 100 г пряжи средней толщины, спицы № 2 и крючок № 3.

Модель, которую мы вам предлагаем, связана чулочной вязкой. Лицевые ряды — лицевые петли, изнаночные ряды — изнаночные петли. Плотность вязания: 20 петель × 26 рядов = 10 × 10 см.

Итак, приступаем к работе. Набираем дополнительной нитью, любой, кроме той, из которой будет связан берет, 60 петель и провязываем 4—6 рядов чулочной вязкой. Затем присоединяем основную нить и провязываем еще 2 ряда.

Теперь вывязываем клин (рис. 1), используя частичное вязание. Как это сделать? В лицевом ряду провяжите 58 петель (кромочная входит в этот счет). На левой спице у вас остались непровязанные 2 петли. Переверните вязанье.

Первую петлю изнаночного ряда снимаем не провязывая, туго затягиваем на спице и провязываем 57 изнаночных петель. Работу переворачиваем.

Вяжем лицевые 56 петель. На левой спице остались непровязанные 4 петли. Дальше, в конце каждого ряда, не довязываем по 2 петли, пока число их не составит 16. Переворачиваем работу изнаночной стороной.

Провязываем 32 изнаночные петли. Последние 12 петель (петли ободка) на левой спице оставьте непровязанными. Переверните работу лицевой стороной.

Теперь схема меняется. В конце каждого ряда (лицевого и изнаночного) не довязывайте по 2 петли, последний раз в изнаночном ряду. В работе 6 петель. После этого провяжите лицевой ряд до конца (34 петли). Переверните вязанье.

Вяжите изнаночными петлями весь ряд до конца (60 петель). Клин вывязан. Всего их должно быть 8. Закончив последний, нить оборвите. Присоедините дополнительную нить и провяжите 4—6 рядов. Снимите работу со спиц, не закрывая петель последнего ряда. Аккуратно отутюжьте полотно, отплетите дополнительную нить, открытые петли соедините трикотажным швом «петля в петлю». Вдоль кромочных на макушке проденьте прочную нить, туго стяните и закрепите на изнаночной стороне. Край ободка обвяжите крючком, нить двойная. Берет готов.

Н. СВЕЖЕНЦЕВА
Рисунок автора.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

МНОГОЛИКАЯ ПЕТЛЯ

В почте «Хозяюшки» немало писем от тех, кто учится вязать. Как правило, новички, освоив лицевую и изнаночную петли, полагают, что разнообразные «косички» и узоры для них чуть ли не китайская грамота, освоить которую составит немало труда. Что ж, труд заключается только в том, что вязание счет любит. А основа любого самого замысловатого рисунка — все те же лицевые и изнаночные. Сегодня мы расскажем вам, как связать несколько разных узоров с минимальными затратами труда. Итак:

ЧУЛОЧНАЯ ВЯЗКА (на двух спицах):

1-й ряд — все петли лицевые;

2-й ряд — все петли изнаночные; на пяти спицах — все ряды вяжут лицевыми петлями.

ИЗНАНОЧНАЯ ВЯЗКА (на двух спицах):

1-й ряд — все петли изнаночные;

2-й ряд — все петли лицевые; на пяти спицах — все ряды изнаночные.

ВЯЗКА «ВЕРЕВОЧКА» (на двух спицах): все ряды вяжут только налицо (или наизнанку); на пяти спицах:

1-й ряд — все петли лицевые;

2-й ряд — все петли изнаночные.

ВЯЗКА «БУКЛЕ» (на двух спицах):

1-й ряд — одна петля лицевая, одна петля изнаночная;

2-й ряд — как первый ряд, с той разницей, что лицевую петлю вяжут над изнаночной, а изнаночную над лицевой.

Эти два ряда чередуются.

ВЯЗКА «ДВОЙНОЕ БУКЛЕ»:

1-й ряд — одна петля лицевая, одна петля изнаночная;

2-й ряд и все четные ряды — петли вяжут так, как петли предыдущего ряда.

3-й ряд — одна петля изнаночная, одна петля лицевая.

Повторяют, начиная с 1-го ряда.

ВЯЗКА «РЕЗИНКА» (выполненная на двух и пяти спицах). Обыкновенная резинка образуется из чередующихся лицевых и изнаночных петель. Эта вязка имеет свойство уменьшать или увеличивать свои размеры в ширину (садиться или растягиваться), поэтому ее еще называют «ластик».

ОБЫКНОВЕННАЯ РЕЗИНКА:

а) 1-й ряд — одна петля лицевая, одна петля изнаночная. 2-й ряд — петли вяжут так, как их видят (лицевые над лицевыми, изнаночные над изнаночными).

Повторяют, начиная с 1-го ряда;

б) 1-й ряд — две петли лицевые, две петли изнаночные. 2-й ряд — петли вяжут так, как их видят (лицевые над лицевыми, изнаночные над изнаночными).

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ОБЫКНОВЕННОГО ПЛАТКА

На страницах 38—39 этого номера журнала помещены модели художницы Елены Пелевиной. Полюбовавшись ими, вы, возможно, вздохнете с легкой завистью: мне такое не сделать, это только мастеру под силу. Конечно, мастерство, выдумка и вкус тут нужны немалые, да и с иголкой в руках не один вечер надо посидеть. Однако сама Елена уверена, что такие наряды вполне может сделать каждая женщина, которая любит рукодельничать и умеет по-новому взглянуть на привычную вещь, в данном случае — на серый шерстяной платок. Именно из него и сделаны нарядные оригинальные модели, которые вы видите на снимках. Как сделаны? По просьбе «Хозяюшки» Елена согласилась подробно рассказать об этом. Попробуйте, может быть, у вас получится не хуже. Главное — смело фантазировать и не бояться кропотливого ручного труда.

ПЕРВАЯ МОДЕЛЬ — блуза объемного силуэта с рукавами реглан. В низ блузы и рукавов продергивают по две резинки. На модель достаточно трех платков 90×90 см (если у вас размер 48). Один платок разрезаем на две равные части, сложив их пополам, получаем два рукава длиной до локтя. До того, как сшить их на машинке, выдергиваем через каждые 5 см по 4 нити вдоль и поперек полотнища. Нитки платка настолько плотные, что края мережек можно даже не закреплять. По линии реглана на полочке и спинке вставляем полосы шириной 10—12 см, на которых, так же как на воротнике и на повязке, делается мережка, но более частая (через 3 см выдергивают по 2 нити). Эти полосы, прямоугольный воротник и повязку на голову выкраивают из второго платка. Из выдернутых нитей крючком вяжем кружева любого рисунка, которые украсят воротник и повязку. Кружево пришиваем вручную хлопчатобумажными нитками под цвет платка. Из остатков второго платка и третьего выкраиваем по косой полочку и спинку. Соединяем детали швом зигзаг или обметочным швом, с последующей обработкой вручную. Теперь осталось закрыть швы. Для этого двумя-тремя толстыми шерстяными нитями разного цвета, вдетыми в иголку с широким ушком, обвиваем швы пришива кружев и швы стачивания прочно и нарядно. Блузу можете украсить любым рисунком, выполненным вручную или на машинке нитками в той же гамме, что и отделка.

ДЛЯ ВТОРОЙ МОДЕЛИ (размер 48) потребуется 4 платка. На сарафан прямого силуэта с широкими бретелями уйдет два из них (из остатков можете при желании сделать короткие рукава). На шаль — два других. Начиная от линии бедер и до низа накладываем на платок геометрический узор — клетку. Для этого вдоль и поперек полотна частыми стежками продергиваем шерстяные нити разного цвета, какие есть в доме, например, сначала красную, потом синюю, следом зеленую (но чередуя их, используйте не более трех цветов, чтобы избежать излишней пестроты). А теперь вспомним детство, когда мы чего только не мастерили из разных пестрых кусочков ткани. Наверняка есть у вас остатки ситцев разных цветов и рисунков. Вырежьте из них квадраты того же размера, что и вышитые клетки. Подвернув края, нашейте их вручную или на машинке на сарафан (но чтобы они не закрывали проложенных нитей) в той последовательности, какая вам понравится. Можете оставить между ситцевыми аппликациями незаполненные клетки, которые хорошо простегать рядами шерстяных нитей. Верх сарафана можно украсить продольными стежками из тех же нитей, которыми мы «рисовали» клетки. Верх и низ сарафана обработайте полосками из ситцевой ткани одного рисунка.

Дополнение к сарафану — прямоугольная шаль. По одному краю она украшена аппликацией из кусочков пестрых тканей. А три другие стороны отделаны полосками из той же ткани, что и низ, и верх сарафана. К ним пришивают кружево, связанное крючком из разноцветных нитей (ширина 3—4 см), и уже потом к кружеву прикрепляют сделанные из этих же нитей (длиной 20 см) кисти. Наряд готов!

Е. ПЕЛЕВИНА,

художник-модельер.

С тех пор, как мы последний раз публиковали советы доктора А. С. Палько, прошло два месяца. Надеемся, вы освоили предложенные упражнения и можно продолжить занятия.

ХОТИТЕ ПОДРАСТИ?

Вы заметили, раз от раза они становятся все труднее. Однако каждое упражнение надо тщательно отработать. Ведь дальше — еще более сложные комплексы. Так что наберитесь терпения. А пока переходим к завершающей части КОМПЛЕКСА II.

7. Стоим, ноги врозь, руки в стороны на уровне плеч ладонями вниз. Делаем медленные наклоны влево, стараясь дотянуться рукой до ступни. В таком положении задерживаемся на 5 секунд и медленно возвращаемся в исходное положение. Повторяем в обе стороны 2 раза. Дышим произвольно.

8. Ложимся на живот, ноги вместе. Руки согнуты в локтях на уровне плеч ладонями вниз. Поднимаем туловище как можно выше, откидывая голову назад.

Поворачиваемся влево и стараемся увидеть пятку правой ноги. При этом руки и ноги остаются в прежнем положении, а нижняя часть тела не отрывается от пола. Затем поворачиваемся вправо и стараемся увидеть пятку левой ноги. Вновь прогибаемся вверх и назад и опускаемся вниз. Повторяем в последовательности вверх-влево-вправо-вниз, задерживаясь в каждом положении от 2 до 30 секунд.

9. Сели на корточки. Руки в «замке» перед собой. Попытаемся встать на голову. Опускаем голову рядом с переплетенными пальцами так, чтобы коснуться пола. Медленно подтягиваем колени и, оттолкнувшись от пола, поднимаем ноги вверх, выпрямляемся в таком положении на 5—20 секунд. Это будет трудно, поэтому для начала воспользуйтесь чьей-то помощью. В заключение медленно возвращаемся в исходное положение на корточки, затем встаем на ноги, выпрямляемся и стоим 1—2 минуты.

10. Сели по-турецки, откинули голову назад и, медленно наклоняясь назад, коснулись теменем пола. Руки при этом вытянуты вдоль туловища. Остаемся в этом положении 1—2 минуты. Дышим глубоко и медленно. Возвращаемся в исходное положение, опираясь руками о пол.

Этими упражнениями заканчивается комплекс II. В КОМПЛЕКС III включены прессационный массаж, дыхательная гимнастика, аутотренинг и несимметрическая гимнастика. А что это такое — вы узнаете в следующих номерах.

МАССАЖ ДЛЯ ВСЕХ

В. И. ИВАНОВ,
заслуженный врач РСФСР,
доктор медицинских наук.

Беседа 4-я

Сегодня мы поговорим о массаже живота и грудной клетки. Тут все области очень важные. В них находятся многие внутренние органы. Нарушается их работа — страдает весь организм. Живот, как считают на Востоке,— это энергетический котел всего тела. Кишечник сравнивали с корнями растений, за которыми в первую очередь надо ухаживать, чтобы они были сильными. То же относится и к человеку.

МАССАЖ ЖИВОТА не только улучшит вашу фигуру, но и заметно поправит самочувствие. Начинаем с поглаживания. Разумеется, лежа и расслабясь. Руки кладем на паховые области и подковообразными движениями от средней линии живота, мягко касаясь кожи, перемещаем их вверх к реберным дугам. Погладьте ладонью край подреберья. Затем мышцы. А теперь разотрите кожу и подкожно-жировую клетчатку в направлении от подреберий вниз к тазу.

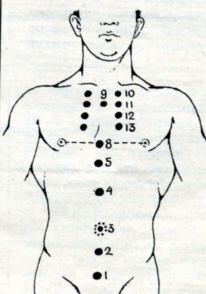
Если живот большой, пользуйтесь приемом НАКАТЫВАНИЯ. Пилящими движениями край ладони погрузите в тело. Правой рукой захватите складку кожи и жировой клетчатки, накатывая ее на ладонь левой руки. Складку слегка сожмите и разомните между ладонями. И так по всему животу.

Другой прием — НАДАВЛИВАНИЕ — показан при нарушениях функций желудочно-кишечного тракта, а также сексуальных расстройствах. Он прост. Ладонями сдавите живот с боков, приподнимите его и на выдохе резко опустите.

Освоили общий массаж? Приступаем к точечному. Рефлексогенные зоны живота в основном расположены на его средней линии.

ЗОНА 1 — на середине верхнего края лобка. Массаж помогает при различных мочеполовых расстройствах.

ЗОНА 2 находится на середине расстояния между лобком и пупком. Массируя ее, можно нормализовать расстройства менструального цикла, снять боли в области мочевого пузыря, помочь при недержании мочи, эмоциональной слабости, импотенции.

ЗОНА 3 захватывает центр пупка. Можно только слабо растирать его края и легко поглаживать. Это для тех, кого укачивает в транспорте.

ЗОНА 4 расположена на середине расстояния между пупком и мечевидным отростком. Массаж показан при сильных болях, заболеваниях желудка, поджелудочной железы, печени и желчного пузыря.

ЗОНА 5 находится сразу под мечевидным отростком. Избегайте сильного давления! Под ней — солнечное сплетение, влияющее на сердечный ритм. Массаж этой зоны эффективен при гастритах с повышенной и пониженной кислотностью, стенокардии, болях в области

сердца, а также при повышенной нервозности, слезливости, внутреннем напряжении, неуверенности в своих силах.

Очень полезен самомассаж живота женщинам после родов. Ослабленные мышцы передней стенки живота плохо сопротивляются давлению внутренних органов, и со временем живот становится дряблым.

ТЕПЕРЬ МАССИРУЕМ ГРУДНУЮ КЛЕТКУ. Общий массаж начните с грудных мышц в направлении от ключиц к подмышечным впадинам. Межреберные мышцы погладьте пальцами, имитируя движения граблями, в направлении от грудины к позвоночнику. Затем разотрите грудину и реберные дуги.

Рефлексогенные зоны грудной клетки расположены как бы на продолжении средней линии живота.

ЗОНА 8 будет располагаться в месте пересечения горизонтальной линии через соски со средней линией. Ее массаж применяют при бронхиальной астме, ложном крупе, спазме голосовых связок, кашле, коклюше, тошноте и рвоте, болях за грудиной.

ЗОНА 9 — выше зоны 8. Массаж этой зоны показан при затрудненном дыхании, охриплости голоса, кашле, болях за грудиной.

Если у вас сильное сердцебиение, одышка, понижена функция грудных желез, надо надавить подушечками больших пальцев на грудину между зонами 8 и 9. Делают это в момент выдоха в направлении к спине.

ЗОНЫ 10, 11, 12, 13 находятся в межреберных промежутках. Их массируют при болях в грудной клетке, ушибах ребер, межреберной невралгии, заболевании органов дыхания и почек.

Кормящей женщине можно посоветовать массаж грудной клетки. Только помните, нельзя массировать грудную железу, а только легко поглаживать ее и растирать в направлении к соску, но не касаясь его.

А теперь разыщите ноябрьский номер нашего журнала за прошлый год. Там речь идет о массаже спины. Дело в том, что точечный массаж грудной клетки следует сочетать с таким же массажем спины в зонах, которые оказывают действие на органы грудной клетки. Например:

ЗОНА 4 (на спине, находится на осевой линии между третьим и четвертым грудными позвонками) — связана с органами дыхания.

ЗОНА 6 (на спине между пятым и шестым позвонками) — связана с сердцем.

ЗАДАНИЕ НА ДОМ. Чтобы ваш кишечник работал лучше, научитесь делать общий массаж живота и точечный массаж рефлексогенных зон 2 и 4, а на спине — зон 15, 16, 17.

Отработайте прием точечного массажа рефлексогенной зоны 3.

После утренней зарядки полезно проделать точечный массаж успокаивающим методом: в зоне 8 на грудной клетке и в зоне 6 на спине.

ПОГОДА И САМОЧУВСТВИЕ

«Передаем прогноз погоды. Утром давление будет расти, к вечеру резко падать. Температура ночью минус 20, днем нулевая. Временами снег, переходящий в дождь, на дорогах гололедица...»

А теперь признайтесь, кто из вас такой прогноз воспримет как шутку? Вот-вот, к подобным метаморфозам погоды мы так привыкли, что, выслушивая о них сообщения в утренних передачах радио, скорее решаем вопрос не что надеть, а что положить в свою «походную» аптечку, ставшую неотъемлемой частью женской сумочки. Увы, увы...

Наука научилась предсказывать даже магнитные бури, а вот предупреждать реакцию нашего не защищенного от всех стихий организма не в силах. Естественно, скажете вы? Что ж, пожалуй, человек — часть природы... но ведь думающая часть. А это значит, что мы вполне можем научиться ладить с погодой.

Александр Васильевич КОМРАКОВ, кандидат наук, старший научный сотрудник Всесоюзного научного центра медицинской реабилитации и физической терапии, поможет нам в этом. В следующих публикациях он расскажет, как «противостоять» магнитным бурям; как научиться не бояться перепадов давления; как полюбить осеннюю сырость и что надо делать, чтобы максимально защитить свои легкие от загрязненного воздуха. Интересно? Тогда, может быть, кто-то задаст нам вопрос, который волнует его лично? Ведь главная цель новой рубрики — помочь сохранить здоровье.

НЕУЮТНЫЕ САПОГИ

«Я вынуждена постоянно работать в резиновых сапогах. Они не пропускают воздух, ноги потеют, а раз так — легче схватить простуду, да и чулки просто "горят". Что делать?» — спрашивает наша читательница из Тамбовской области. Если работать приходится в сырости, независимо от температуры надевайте хлопчатобумажные, а на них шерстяные носки. И меняйте их каждый день. Тем, кто подолгу стоит на бетонном полу, советуем еще положить в сапоги войлочную стельку.

Каждый день, перед работой, обязательно мойте ноги теплой водой с мылом, и еще раз — вернувшись после работы. После мытья посыпайте тальком и надевайте чистые сухие носки или чулки. Раз или два в неделю полезно принимать теплые ножные ванны (10—15 минут) с отваром коры дуба, шалфея или крапивы (щепоть сухих листьев на поллитра воды). После не забудьте как следует вытереть ноги и смазать стопы кремом. Если есть опасность возникновения грибковых заболеваний, два раза в неделю смазывайте стопы и особенно между пальцами и вокруг ногтей специальной мазью, которую порекомендует врач.

Обувь ваша тоже нуждается в уходе. Регулярно мойте сапоги внутри теплой водой с мылом и тщательно просушивайте их. И пожалуйста, не носите резиновой обуви тогда, когда этого можно избежать.

ЧИТАТЕЛЬ — ЧИТАТЕЛЮ

У КУКЛЫ НОВОСЕЛЬЕ

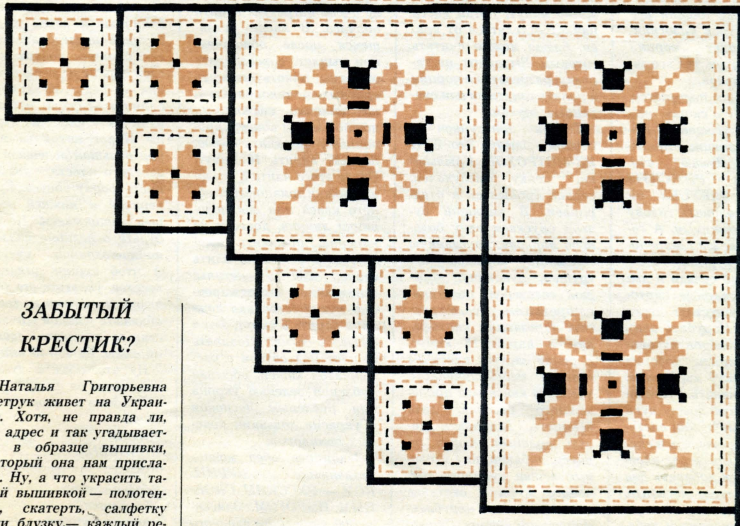
Моей дочке мама построила трехэтажный кукольный дом. Стены оклеила обоями, на окнах — занавески. Мебель в этом доме из спичечных коробков. А живут в доме маленькие куклы, и у каждой свой гардероб есть.

Моя мама учительница, сейчас она на пенсии. Долгое время мама занималась с детьми всевозможными поделками из любого подручного материала в группе продленного дня. А я вела кружок «Кукольный театр», где мы сами изобретали и шили куклам одежду. Теперь я веду кружок «Хозяюшка». Учу детей искусству макраме, вязанию на спицах, крючком и на машине, плетению. Словом, проще сказать чего мы не делаем своими руками. Эта работа очень увлекательна. Наверняка у нас есть единомышленники, о которых мы не знаем. А так бы хотелось познакомиться, чтобы что-то перенять у них, а чем-то и поделиться. Если кого-то заинтересует мое предложение, сообщаю наш адрес:

142822, Московская область, Ступинский район, поселок завода пластмасс, дом 53, квартира 17. Ждем писем.

Галина Ивановна ФИЛИМОНОВА

ЗАБЫТЫЙ КРЕСТИК?

Наталья Григорьевна Петрук живет на Украине. Хотя, не правда ли, ее адрес и так угадывается в образце вышивки, который она нам прислала. Ну, а что украсить такой вышивкой — полотенце, скатерть, салфетку или блузку,— каждый решит сам.

ПОВАР ИДЕТ ВА-БАНК

Рассказывают, что Наполеон, которому надоело в походах каждый день есть кур, велел довести до сведения своего повара, что тот лишится головы, если посмеет еще хоть раз предложить императору курицу. Но повар был весьма высокого мнения о своих кулинарных способностях и потому пошел, что называется, ва-банк. К очередному обеду он приготовил императору... курицу, но так, что Наполеон ее просто не узнал!

Вообразить такое как будто трудно. Хотя...

А давайте-ка попробуем приготовить полностью куриный обед. На тот, что я хочу вам предложить, потребуется два цыпленка и курочка (общий вес не больше трех килограммов). Выйдет порций шесть. Впрочем, тут все зависит от едоков.

Начнем, как полагается, с закуски. Что скорее оценят гости в угощении? Конечно же, домашнее приготовление. Думаю, что, «уписывая» РИЖСКУЮ ГОРЯЧУЮ ЗАКУСКУ, им придется поломать голову над ее содержимым. А готовят ее так. 200 г жареного мяса курицы, 100 г филе свежей сельди и две крупные отварные картофелины пропустить через мясорубку. Порубить одну средних размеров луковицу и обжарить, добавив чайную ложку маргарина. Все перемешать. Прибавить столовую ложку муки и 2 столовые ложки сметаны. Еще перемешать и снова пропустить через мясорубку. Затем добавить два сырых желтка, посолить, поперчить по вкусу, перемешать и добавить взбитые белки. Форму для запекания смазать жиром, выложить в нее приготовленную массу, посыпать двумя столовыми ложками тертого сыра. Растопить 2 столовые ложки маргарина и сбрызнуть ими содержимое. Форму поставить в духовку и запекать 30—40 минут. Когда масса начнет отделяться от краев, блюдо можно считать готовым. Выложить на тарелку, разрезать на порции и полить томатным или сметанным соусом.

Теперь приступаем к первому блюду. Это СУП ИЗ ПОТРОХОВ. Крылышки, шейку, желудочек, сердце промываем и отвариваем. В кипящий бульон опускаем одну большую морковь, нарезанную соломкой, корешок петрушки, луковицу, корешок сельдерея, полстакана промытого риса, 6 крупных нарезанных картофелин и варим 15 минут. В конце следует влить 3/4 стакана перекипяченного хлебного кваса или процеженного рассола, дать вскипеть, заправить солью, красным перцем по вкусу, добавив по 4 столовые ложки куриного топленого жира и сметаны, немного мелко нарубленной зелени укропа. Суп готов.

На второе можно приготовить ЦЫПЛЯТ ПО-ДЕРЕВЕНСКИ.

Цыпленка разрубить на две половинки, промыть, обсушить, натереть сверху и изнутри солью, перцем, чесноком и в двух столовых ложках топленого масла

поджарить до золотистого цвета. Переложить в казанок или кастрюлю, влить полтора стакана (300 г) бульона, посолить, поперчить, довести до кипения. Затем перенести в духовку, не очень нагретую, варить полчаса. В масле, оставшемся после обжаривания цыплят, спассеровать отжатую мякоть четырех красных помидоров (лучше, конечно, свежих, но можно взять и консервированные), заправить солью, перцем, варить 10 минут. После этого влить 3 столовые ложки домашнего хлебного кваса или сок половинки лимона, довести до кипения, положить цыплят, дать вскипеть, влить стакан (200 г) сметаны, взболтанной с поджаренной мукой (столовая ложка) и варить 5 минут, затем снять с огня. Подавать цыплят под соусом с рассыпчатой кашей, обсыпав рубленой зеленью укропа или рубленым чесноком и украсив дольками красных помидоров.

Закончить обед можно знаменитым КУРНИКОМ — РУССКИМ СЛОЕНЫМ ПИРОГОМ. Замесите 500 г пресного слоеного теста (полкило муки на неполный стакан молока) и 200 г пресного жидкого (неполный стакан муки на полстакана молока) — из него вы испечете блинчики. Приготовьте четыре вида фарша: из курицы — мякоть вареной курицы (120 г) нарежем мелкими кусочками и заправим чайной ложкой масла; из риса — неполный стакан риса припустим с чайной ложкой масла и смешаем с одним нарубленным яйцом; из грибов — 120 г белых грибов или шампиньонов обварим, нашинкуем, слегка обжарим с чайной ложкой масла и добавим в них примерно 5 вареных шинкованных куриных гребешков (можно и без них); из яиц — два вареных яйца мелко нашинкуем, добавим две чайные ложки распущенного масла, рубленую зелень петрушки и укропа.

Теперь слоеное тесто раскатываем в лепешку толщиной 0,5 см, делим на две части: одна поменьше — основная, другая побольше — крышка. На основную лепешку кладем блинчики и затем фарш в такой последовательности: блинчик, поверх него слой фарша из риса; блинчик — фарш из грибов; блинчик — фарш из яиц; блинчик — фарш из курицы. Пирог, накрытый второй большой лепешкой из слоеного теста, должен иметь форму конуса. Края верхней и нижней лепешек защипываем. Не забудьте основание смазать яично-молочной смесью. А чтоб курник гляделся веселее, украсьте его бордюром и узорами из теста, обмажьте яйцом и поставьте выпекать, сделав проколы, на 40—45 минут.

Ну что, обед, я думаю, получился на славу.

Кушайте на здоровье!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА.

В оформлении «Хозяюшки» принимал участие художник С. БОГАЧЕВ.

ОТЧАЯНИЕ И МУЖЕСТВО ГОРЬКИХ ДНЕЙ

(Окончание. Начало на стр. 8.)

дав голодным людям еду. Это было в Налбанде!

Не сограждане те, кто видя, зная, как нужна в их селе техника, разворовал машинный двор, унес дефицитные детали для своих машин, для продажи. И это было не только в Налбанде!

В первые дни, самые страшные и еще не организованные, машины, нагруженные импортными вещами и продуктами, уходили и уходили в никуда. Скоро эти вещи появятся, а быть может, уже появились на толкучках! Я видела женщину, которая пыталась провезти в гробу награбленные вещи.

Но надо знать, что это были не те люди! Не пострадавшие и не способные сострадать никому! Это были шакалы, сбежавшиеся поживиться на беде.

Истинные сострадальцы — дальние соседи, ставшие спасителями,— те 67 врачей из Москвы, которые прилетели в Ленинакан в первые часы после землетрясения и уже вечером при тусклом свете от фар, пробившем-таки ткань палаток, делали свою работу ночь и день, день и ночь... За сутки — 2500 операций. Всего в эти дни в зоне беды работало пять тысяч медиков: четыре тысячи — из Армении, семьсот — из других республик, триста — иностранных специалистов.

Медицинская часть в Спитаке расположилась на стадионе. На одной из палаток была прикреплена странная табличка — «Родильное отделение».

В день, когда из завалов Спитака было извлечено 5 тысяч трупов, в родильном отделении города появилась на свет девочка.

СОСЕДИ... Не раз встречались мне в селах люди из Госагропрома СССР, из ЦК профсоюза АПК. Они помогали организовать эвакуацию, убеждали людей, которых первые несколько дней невозможно было оторвать от руин своих домов и свежих могил, уехать на время — отправить детей, женщин, стариков в пансионаты. Из кассы профсоюзов раздали 8 миллионов рублей.

Сограждане, соседи, сострадальцы. Быть ими совсем не просто. Мало жить рядом, сочувствовать издалека и даже дружить, когда все в порядке, когда жизнь идет как надо. Как бы ни было это печально, но согражданство и несогражданство выявляется, когда трудно — особенно в катастрофе. Согражданство народов нашей страны проявилось в эти тяжкие дни и месяцы, быть может, как никогда. Быть может, как никогда люди всего мира содрогнулись, поняв, насколько хрупка и беззащитна жизнь и как нам надо держаться друг за друга, помогать друг другу, любить друг друга и понимать.

Понимание нам нужно всегда. Но особенно, когда случается нечто запредельное, вот как это землетрясение. Я видела: мужчины толпой с утра до вечера стоят при въезде в село. И ничего не делают. Почему, думаешь, глядя на них, почему они бездействуют, на что надеются? И вспоминаешь: это ведь те, кто в первые часы, дни беды голыми руками отрывал разрушенные дома, они поднимали и отбрасывали такие камни, которые потом не могли сдвинуть с места трое.

Я видела: женщины и мужчины часами копаются в вещах, присланных отовсюду и сваленных у какой-нибудь палатки. Это было жутко, потому что среди них я узнавала матерей, только что похоронивших своих детей. Так легко было осудить их. Но давайте еще раз представим, что они пережили. Представим, возможно ли человеческому рассудку, психике остаться в норме? Да разве мы знаем, о чем они думают, когда роются в вещах, перебирая одну тряпку за другой: прикидывают или просто совершают какие-то действия руками, чтобы хоть что-то делать.

Но только не думайте, что было так: одни из последних сил спасали детей, а другие рылись в вещах. В том-то и дело, что и то, и другое совершали одни и те же люди! Обессилевшие, потерявшие всякое чувство реальности, больные. И еще: кто же из нас знает, как поведет себя, что станется с нашим рассудком и психикой, если придет конец света...

—...ТУТ ВЕТЕР, ты дрожишь, пошли в подвал,— позвала меня та бабушка Лена — «особенная бабка», мать художника Гагика, а вообще-то рабочего совхоза «Ширакомут», о которой рассказал мне Айваз Иванян.

— Давай еще посмотрим картины Гагика. Я тебе буду рассказывать, на какой что нарисовано. Вот это свинарник, в котором я когда-то работала. А муж мой, Еранос, работал в коровнике. Он был очень добрым человеком. Он меня сюда привез в 39-м году. Это село стало моим селом. А у мужа было здесь три улицы родственников — 95 домов Ераносянов! И я их всех любила, кроме одной женщины. Не буду тебе ее называть...

У меня было пятеро детей: Роза, Сусанна, Роберт, Артак и Гагик. Гагика я любила больше всех. Он был такой красивый, кудрявый. Сейчас покажу их фотографии. Я откопала рисунки Гагика, фотографии, конверт с дореволюционными деньгами — интересно же, какие раньше были деньги! И две свои медали. Всего их было восемь за четыре года на фронте,— я ведь лейтенант медицинской службы.

Я откопала Розу, внучку. Вот этими руками. Она звала меня, а я копала на голос весь день и ночь. Ножка сломана, но говорят, что ничего, пройдет. Осталось у меня восемь внуков-сирот. Сейчас они у дочери в Ереване. Ее трое детей и еще восемь. Давай я их всех тебе покажу. Да, вот это — Гагик, любимчик мой.

Он погиб в этом доме. Вместе с братом — Артаком. Они смотрели по телевизору фильм «Воскресенье, половина седьмого». А Роберт — он учитель — остался в школе со всеми детьми.

Пойдем отсюда, я же вижу, что ты боишься. Но сейчас ничего. Ночью, говорили, было 6 баллов... Пойдем к соседям, у них палатка.

Послушай, в этом селе все забыли, что Розу, старшую, я родила сама. Пришлось разрезать живот, а потом — все. Потому-то остальные — дети приемные. Мне говорили: «Ты такая дура, что собираешь всех брошенных детей». Да какие же они чужие! Гагика я взяла, когда ему было 6 месяцев...

ПЕРЕД САМЫМ ОТЪЕЗДОМ из Армении, в селе Паракар, что неподалеку от Еревана, в доме Султана Баграмовича и Анаит Гарегиновны Тертерян меня угостили кофе. Было так. На улице я подошла к первому человеку, которого увидела, попросила показать дом, который принял потерпевших родственников.

— Да вот этот,— качнул головой молодой человек (он копался в машине).— Вообще-то это мой дом,— пояснил он, вновь склонившись к мотору,— но если хотите, идите к соседям, там тоже есть. Я бы вас проводил, но мне надо ехать в Ленинакан.

В доме меня окружили три черноглазые девчонки. Совсем маленького мальчика держал на руках пожилой человек, хозяин дома, пенсионер Султан Баграмович. Молодая женщина подметала пол. Вошли еще две: молодая и пожилая.

Султан Баграмович охотно и степенно рассказал о себе, своей жене, сыновьях — Геворге, Гарегине и Гарнике, дочери Гаянэ и ее детях. Потом подошел черед рассказывать Сусанне, которая закончила подметать пол. Она рассказала о своем муже Рубике и детях, о матери. О том, что случилось в их селе возле Ленинакана и как они искали друг друга, как бежали к дому матери и там нашли ее среди развалин, а с ней сестру Гоар с ее двумя детьми и мужем Хачиком. О том, как Хачик побежал искать сестру Софико, которая должна скоро родить, нашел живой. Чудом уцелела снохa Ануш на пятом этаже оползшего с двух сторон дома, а ребенка ее вытащила из детского садика воспитательница.

В час беды все они бежали к дому матери — старой Варсик Макартиковны Мурадян. У костра плакали о погибших, радовались, что живы дети.

На следующий день подъехал на «Жигулях» Гарегин Тертерян (тот, кто копался в машине и спешил в Ленинакан). И перевез всех к себе. Уже две недели женщины и дети дома. Мужчины там, где идут раскопки.

Мужчины, когда появляются, приносят с собой запах едкой пыли, гари, бензина... Забежал средний сын хозяев Геворг. Помог перевести то, что не могли выразить по-русски женщины. Мне очень хотелось запомнить: чья жена Софико и чьи вот эти дети — Степан и Гермине, Наира и Каринэ... Вообще понять, в какой степени родства все они находятся.

— Родственники, родственники,— кивали головами женщины.

— Все родственники,— солидно подтверждал дед.

— Поняла, что родственники. А кто кому кем приходится? — продолжала приставать я.

И тут наступило молчание. Они все о чем-то думали, долго смотрели друг на друга и продолжали молчать.

— Знаете, что,— Геворг, наконец, выпрямился на стуле, положил широкие ладони на колени и, глядя мне в глаза, твердым голосом произнес: — Мы их приняли, они согласились к нам прийти. Теперь мы родственники. Будем жить. Я что, плохо порусски говорю?

Наталья ГОРШКОВА
Армянская ССР.
Фото Татьяны МАКЕЕВОЙ.

ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

ПРОКУРОР САМ ПРИЕЗЖАЛ...

«Я живу в Тамбовской области. Работала в Токаревском ДРСУ-7. Меня уволили по сокращению штата, а я беременна. Пошла к прокурору, но мне ответили: идите в суд. А в суде сказали: поздно пришла, восстановить на работе нельзя, так как прошел месяц. А как я могла прийти раньше, если уволили меня 4 января, а приказ о сокращении пришел из управления 1 февраля? Р. И. АЛЕШИНА».

Из Тамбовской областной прокуратуры в редакцию пришел ответ: «Прокурором Токаревского района вынесено предписание начальнику ДРСУ с требованием восстановить Алешину Р. И. в прежней должности и выплатить среднемесячный заработок за время вынужденного прогула».

А вслед за официальным ответом мы получили письмо от Р. И. Алешиной: *«Спасибо за помощь. Прокурор сам приезжал, беседовал со мной, и так вежливо...»*

НЕ ЛЕГКИЙ ХЛЕБ, А ЛЕГКИЙ ТРУД

«Я и моя девятилетняя дочка живем вдвоем в деревне Гарино Пушкино-Горского района Псковской области. Девять лет до болезни я работала в совхозе имени Пушкина в полеводстве, таскала мешки по 50 килограммов, грузила сено на трактор, травила зерно, ни от какой работы не отказывалась. В апреле того года сделали мне тяжелую операцию. В больнице дали справку на легкий труд. С этой справкой я обратилась к администрации совхоза, а мне сказали, что легкой работы в совхозе нет... Раиса Васильевна МИХАЛЕНКОВА».

После нашего звонка в профсоюзный комитет совхоза имени Пушкина Раисе Васильевне нашли легкий труд.

Почему же нельзя было помочь людям без письма или звонка из редакции? Ведь просили они только одного: точного соблюдения существующего закона!

Редакцию не удовлетворяют полученные ответы. То, что справедливость восстановлена, норма! Но почему виновные не понесли наказания?

«ДЕЛОВАЯ» ПЕРЕПИСКА,
или На что тратится дефицит — нервы, бумага, время...

В село Бырка завезли мебель. Село это в Читинской области, и мебели, сделанной в белорусском городе Жлобине, там обрадовались. Местной жительнице Нелли Владимировне Садыковой достался кухонный гарнитур «Миди-29». Встал он на кухне лучше некуда. Только шкаф для мойки остался пустым, так как самой мойки к нему не полагалось. Прожив год без раковины, Нелли Владимировна задумалась: где ее достать? Написала про свое горе в Жлобин. Так началась «деловая» переписка.

Жлобинская мебельная фабрика — Садыковой:

«Выслать Вам раковину фабрика не имеет возможности, так как раковины поставляются строго для комплектации кухонных наборов «Миди-32» и «Миди-37», стоимость которых составляет 367 руб. и 518 руб., и не комплектуются в достаточном количестве».

Садыкова — «Крестьянке»:

«Они не комплектуют, а мне хоть водой не пользуйся. Как же быть?»

Жлобинский горисполком — «Крестьянке»:

«Мебельной фабрике ежегодно доводится план выпуска кухонного гарнитура «Миди-29» с учетом некомплектующих сантехнических приборов ввиду их отсутствия. Данный вопрос неоднократно обсуждался в Госплане БССР, однако решен не был. Прорабатывался вопрос выпуска моек Белорусским металлургическим заводом в г. Жлобине. Выпуск продукции на БМЗ планируется к 1990 году».

Садыкова — «Крестьянке»:

«Вам не кажется, что надо мной издеваются?!»

«Крестьянка» — Совмину БССР:

СТЫДНО!

ЛИШНЯЯ БАБУШКА

«Обошла всевозможные инстанции, в том числе областные... А теперь пишу вам.

Я замужем двенадцать лет. Из них одиннадцать мы проживали вместе со свекровью в трехкомнатной квартире. После рождения у нас третьего ребенка (двое уже школьники) мы с мужем предложили бабушке переехать к ее другому сыну — врачу, семья которого из пяти человек занимает такую же квартиру. Но когда свекровь переехала к ним, ей стали внушать, что она прописана у нас и имеет право на жилплощадь. А потом обратились в исполком, чтобы заставить меня впустить бабушку, то есть жить с ней в тесноте.

Мужа вызывали в различные учреждения, везде начинали разговор с того, что он коммунист, и достыдили до того, что он написал заявление, попросив не считать его членом партии, так как не достоин этого высокого звания.

Но и после исключения мужа из рядов КПСС семья его брата не успокоилась и уже на меня написала заявление в прокуратуру. Чего только я не выслушала от помощника прокурора за полтора часа беседы, даже такое: и рожая детей, мне нужно было думать о бабушке...

Поймите меня правильно: выходит, если брат мужа врач, ему можно хотеть или не хотеть жить с матерью, а раз мой муж простой рабочий, он обязан жить с нею в тесноте. Ведь если выделить бабушке отдельную комнату, детям придется жить в зале, через который проход в другую комнату.

Сейчас свекровь живет в семье сына-врача. Однако она обратилась в суд, чтобы за ней закрепили жилплощадь в нашей квартире. В прокуратуре заявили, что после суда бабушку вселят к нам. Суда еще не было, но я не уверена, что он сможет рассудить нас правильно. Как быть?
Г. А-ва, Амурская область».

Уважаемая Г. А-ва!

Вы просите «понять вас правильно». Это, наверное, означает: посочувствовать вам и обрушить гнев на «черствого» брата вашего мужа. А может быть, вы хотите, чтобы редакция помогла «присудить» бабушку семье брата? Или ждете от нас каких-то разъяснений ситуации?

Но она же ясна как белый день!

Разве надо объяснять, что препираться из-за того, кто из детей более обязан матери, и в этой безобразной тяжбе забыть о самом «предмете» спора бессовестно? Разве надо объяснять, наконец, что стыдно с циничной откровенностью писать о квадратных метрах, о карьере, о немыслимых ухищрениях вплоть до отказа от членства в КПСС, лишь бы выжить из дома мать!

Вы спрашиваете, как быть? В вашей ситуации выход только один — быть человеком.

«Просим разобраться...»

Управление делами Совета Министров БССР — «Крестьянке»:

«Борисовским заводом «Красный металлист» выпускается унифицированная мойка, которая предназначена для установки в жилых домах при строительстве, а также розничной продажи населению. По своим размерам она соответствует выпускаемым кухонным наборам мебели и может в них устанавливаться».

«Крестьянка» — Садыковой:

«Покупайте унифицированную раковину Борисовского завода!»

Садыкова — «Крестьянке»:

«Купила их целых три! Ни одна в шкаф не влезает — та, гарнитурная, должна быть намного меньше. Дорогая редакция, напишите в Караганду, где выпускается мойка к моему гарнитуру! Мне они не отвечают».

«Крестьянка» — Карагандинскому заводу отопительного оборудования:

«Просим...»

Караганда — «Крестьянке»:

«Отвечаем, что мойка встраиваемая будет отправлена наложенным платежом т. Садыковой».

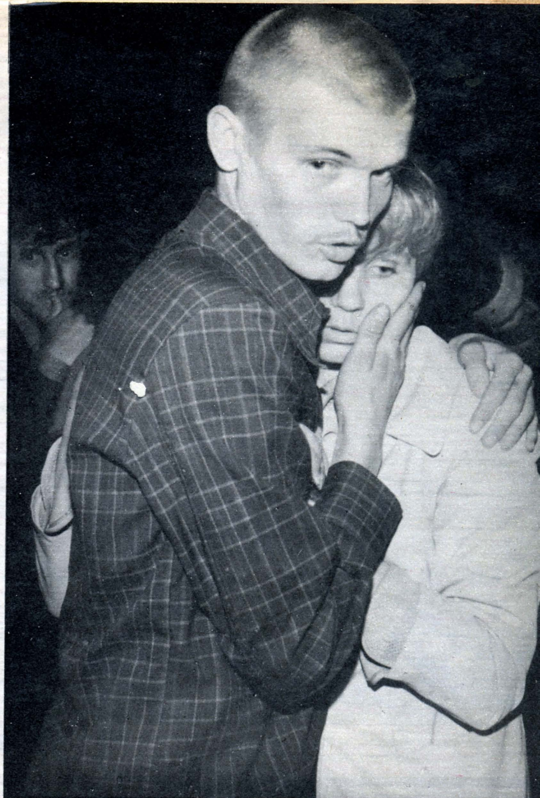
Уф-ф... Чего, кажется, проще: ну, уж если выпускает мебельная фабрика шкаф для мойки без мойки (хотя ведь это чепуха какая-то), так пусть ответит толково, где эту мойку искать. И Жлобинскому горисполкому, который доводит план выпуска, тоже бы неплохо знать, как выходить из положения бедствующему по вине фабрики покупателю.

А сколько времени и бумаги ушло на пустую переписку, сколько денег на доставку абсолютно ни на что не отвечающих «официальных ответов»! Не жалко?

Переписку к публикации подготовила Ольга ПОПОВА.

До свидания, мальчики!

При расставании плакать можно мамам и девчонкам. А им, почти солдатам, надо крепиться, держать фасон и успокаивать: «Ну что ты, всего два года».

КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ,

Какие волнующие слова: весенний призыв, осенний призыв... В них что-то от полета молодых, сильных птиц! Но почему так волнуемся мы в эти дни? Оно и понятно: выросли дети, становятся защитниками Родины. И все-таки почему так тревожно?

То, что в наших семьях вырастают тысячи прекрасных сыновей, несомненно. Это они охраняют нашу землю, бросаются по первому зову на помощь пострадавшим от катастроф и стихийных бедствий, строят дороги в Нечерноземье, слагают трогательные и мужественные песни. Но мы знаем и другое. Среди призывников увеличилось число юношей с ослабленным здоровьем, употребляющих спиртные напитки, даже наркотики, имеющих судимость. И многие, очень многие, к сожалению, растут жестокими, озлобленными, считают нормальными человеческими отношениями власть силы и насилие, легкость в унижении другого человека, диктат старшего над младшим.

Скажем откровенно: с нарушением норм нравственности, этики взаимоотношений, грубости молодой человек встречается в самом нежном возрасте. Неблагополучная семья, равнодушный учитель, еще, не дай бог, холодный детский дом, формализм в комсомоле, трудовом коллективе... В юности недостаток тепла и человечности ощущаются особенно остро, болезненно. Зачастую именно это и порождает цинизм, неуважение к личности, неразвитое чувство собственного достоинства. Тут наша общая тревога.

Да, я говорю о том уродливом явлении, которое в обиходе называют «дедовщиной». Говорю о казарменном хулиганстве, которое заставляет не спать по ночам родителей и до срока осыпает сединой головы командиров и политработников. Говорю о явлении, чернящем лик армии.

У каждой мамы болит сердце о сыне. И услышав страшное слово «дедовщина», каждая ▷

С КЕМ ТЕБЕ ДРУЖИТСЯ

тут же тревожно встрепенется: «А вдруг и с моим такое же?» Но, увы, иные сыновья тех мам, которые беспокоятся, что обижают их мальчиков, как раз не жертвы, а самые что ни на есть активные «творцы» этого позорного явления. Хотя и трудно им поверить в то, что **их** дети способны на такое. Разве в семье учили дурному? Но мало научить не поступать плохо, надо еще воспитать неприятие плохого в поступках других, умение противостоять ему.

Всем надо понять, что с отвратительной «дедовщиной» только силами армии не справиться. И если носители этого зла объединяются, то как важно противопоставить им сплоченность воинского коллектива, подлинное чувство человеческого достоинства, которое воспитывается прежде всего в семье. Каждый случай казарменного хулиганства придается гласности, используются сила общественного мнения, сила закона. И лед понемногу тронулся! Пик беды приходился на 1985 год, а сейчас заметны изменения к лучшему в нравственном климате армии. Но впереди, конечно, еще огромная работа, в которой находят свое место и наши женские советы. От культурно-массовой, просветительской работы они приходят к подлинно материнскому наставничеству, вторгаясь смело в область самую трудную, но и самую действенную — в область общения с **конкретным** человеком.

Буквально с первого знаменательного для молодого воина события — принятия присяги — входит в его жизнь это материнское, сестринское участие. Оно и в уюте казармы, столовой, бытовой комнаты, и в контроле за качеством приготовления пищи, в чистоте белья. Теплые слова и домашний пирог в день рождения, чествование отличившихся по службе, выхаживание заболевшего и многое другое давно уже стало неотъемлемой частью жизни тысяч жен и детей военнослужащих.

Ушел сын в армию... С какой надеждой заглядывают родители в почтовый ящик, как нетерпеливо пробегают глазами каждое солдатское письмо: ну как он там? И, может быть, знай они о жизни и быте воинов подробнее — на душе было бы спокойнее.

Приходится, к примеру, иногда слышать от взволнованной мамы, что ее сын, солдат-первогодок, не наедается, голодает, о чем и поведал в письме. Неужели плохо кормят в армии? Судите сами: в ежедневный рацион питания современного солдата входит 175 г мяса, 100 г рыбы, 30 г сливочного масла, 70 г сахара, 820 г овощей, 400 г белого и 450 г серого хлеба, различные крупы, в том числе гречневая, рис и т. д. Некоторые ребята за первое полугодие службы прибавляют в весе от 8 до 18 кг, и только основательная физическая нагрузка позволяет им быть в хорошей форме. Слов нет — не всегда и не везде еда вкусно приготовлена, повара разные, мамина стряпня, конечно, и вкуснее, и привычнее, да и «покусочничать» дома можно, когда захочется. А тут — режим. Но именно четкий режим приема пищи, ее доброкачественность, калорийность (4000 калорий в день) обеспечивают молодому человеку необходимые возможности для физического формирования и здоровья, а захочет-

Прощай, детство! Ты еще не раз напомнишь о себе беззаботным мальчишеским смехом, тряхнувшим казарму, и блаженством от съеденного в увольнении мороженого. И все же... Этим ребятам предстоит принести присягу, испытать себя на прочность, обрести терпение и человеческую зоркость, узнать цену настоящему товариществу. А это уже взрослая мужская жизнь.
У сыновей будут учебные и боевые тревоги, у матерей свои, материнские. Пожелаем им пережить и те, и другие. И счастливо встретиться.
Фото В. ЩЕКОЛДИНА.

ся «полакомиться» — можно в солдатских чайных купить любимые сладости, соки, конфеты, печенье, даже мороженое — все, что так любят наши в том числе и взрослые дети. Конечно, ребятам не помешают какие-то карманные деньги, но хочется предостеречь родителей от переводов больших сумм. Это не нужно. К тому же ставит в неравное положение ребят из семей с разным достатком.

Понятно желание родителей доставить сыну радость, напомнить о тепле родного дома. И вот всей семьей собирают посылку. Но будем надеяться, что среди присланного не будет того, что подтолкнет юношу к поступку, несовместимому со службой. Трудно представить, о чем думают иные матери и отцы, когда вкладывают в посылку спиртное. К несчастью, еще случается такое. Последствия же бывают непредсказуемы!

Постоянная связь с домом, с семьей — живительный источник, неоценимая поддержка в эти два-три года напряженного ратного труда. И как важно, чтобы в долгожданных письмах от родных было поменьше огорчительного, того, что сообщать не обязательно, а ранить может очень больно. Какую бурю в душе молодого человека вызывают бездумные строки о неверности его любимой девушки, как драматично это может обернуться! В жизни все случается, но, думается, волнующие вести лучше сообщать через командира или его заместителя по политической части. Совет старшего, поддержка придадут молодому человеку силы для того, чтобы справиться с бедой.

Как трудно прорываться сквозь домашнюю изнеженность иным мальчишкам! Не приученный к труду, к элементарному самообслуживанию, молодой человек склонен драматизировать и ранний подъем, и утреннюю зарядку под открытым небом, и дежурство на кухне, и кроссы, и тревоги — одним словом, все, что является азбукой ратного труда. Иногда под влиянием минуты ребята обрушивают на маму и папу такое беспокойство, что душа не выдерживает, и вот едут, летят родители за тридевять земель, а там, смотришь, «ложная тревога». А сколько это унесло душевных сил, здоровья, да и материальные затраты немалые. Уж если что-то встревожило в настроении сына, письмо командиру, его заместителю или женсовету позволит внести ясность.

Все это не значит, что нельзя повидаться с сыном. Радушно принимают в частях родителей, охотно знакомят с условиями жизни и быта воинов. И все же не будем забывать, что речь идет не о подростках, не о лете в пионерском лагере, а об армейской службе.

Полагаются солдату и увольнения, то свободное время, которое он проводит самостоятельно, вне части. Среди поощрений за добросовестную службу есть и такое, как краткосрочный отпуск до 10 суток. Служи по чести — будет и отпуск! Не забудем сказать и об отпуске по семейным обстоятельствам. Работники военкомата объяснят, как поступить в таком случае, какие подтверждающие документы представить. Да и на любой другой вопрос родители получат здесь обстоятельный ответ.

...Выросли сыновья, наша надежда и опора, защитники. И от многих из нас зависит, чтобы солдатская служба стала для них временем приобретений, а не потерь.

Юлия СОКОЛОВА,
старший инструктор Главного политического управления СА и ВМФ по работе среди членов семей военнослужащих; дочь офицера, жена офицера.

По вашей просьбе

И сложилась песня...

Валерий ЛЕОНТЬЕВ

Афганский ветер

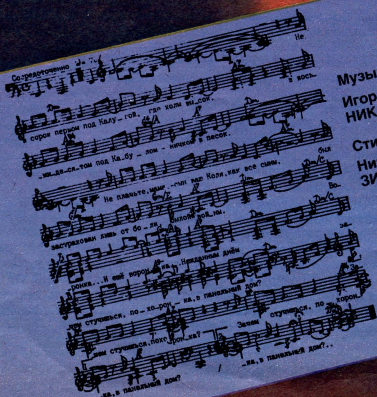
Памяти рядового Николая Демина, погибшего при исполнении интернационального долга.

Не в сорок первом
под Калугой,
где холм высок,
в восьмидесятом
под Кабулом —
ничком в песок.
Не плачьте, мама,
сын ваш Коля,
как все сыны,
был застрахован лишь
от боли
былой войны.

Воронка...
И еще воронка...
Нежданным днем
зачем стучишься,
похоронка,
в панельный дом?

Афганский ветер
быстротечный,
как взрыв, горяч.
Вновь за звездой
пятиконечной
следит басмач.
Не в сорок первом
под Калугой,
не в тот виток
земля споткнулась
под Кабулом,
взмыв из-под ног!

Воронка...
И еще воронка...
Сквозь лет разлом
зачем стучишься,
похоронка,
в панельный дом?

Музыка Игоря НИКОЛАЕВА.

Стихи Николая ЗИНОВЬЕВА.

...илась

У песни «Афганский ветер», ставшей бесспорным лидером телевизионного фестиваля прошлого года, непростая история. Впрочем, пусть ее расскажут сами авторы песни.

Николай ЗИНОВЬЕВ. Строки эти родились внезапно, когда я узнал о том, что погиб в Афганистане хороший парень, мой тезка. Я хотел включить их в сборник моих стихов «Бродячее дерево», но ничего не вышло, редактор был неумолим. Тогда, в 1984 году, об Афганистане так не писали... Вот и лежал листок со стихами у меня на столе, пока...

Игорь НИКОЛАЕВ. ...Пока я совершенно случайно их не увидел. Мы уже написали к тому времени с Николаем Зиновьевым несколько песен, но эти стихи просто потрясли меня. Через несколько дней я сыграл ему готовую песню. Петь ее сам не стал, решил, что это лучше сделает Валерий Леонтьев, который уже исполнял несколько моих сочинений.

Валерий ЛЕОНТЬЕВ. Я познакомился с песней в 1985 году. И сразу же, без всяких согласований, включил ее в свою концертную программу, с которой выступал в Ленинграде. Прозвучала она только один раз: запретили. Но времена, к счастью, меняются. В начале 1987 года я побывал с концертами в Афганистане, общался с нашими парнями, многое почувствовал, увидел своими глазами и снова стал работать над этой песней, записал ее на фонограмму, потом показал на телефестивале «Песня-88». Сейчас я пою ее в концертах и чуть не плачу сам, потому что вижу слезы в зрительном зале.

Записала Татьяна СЕКРИДОВА.

Фото С. АНДРЕЕЩЕВА.

НАШИ НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Где-то есть лебединый пруд

Заваленная буреломом тайга, река Бирюса, из которой пей воду горстями — не заболеешь, скала на берегу, где на недоступной высоте в полдень греется змейка. И деревня Патриха в ста трудных километрах от городка Тайшета. Это родина автора и исполнителя своих песен Кати Янченко. Земля, кажущаяся из деловой Москвы сказочной...

Но когда Катя после концерта ждет последнего автобуса, а потом, добравшись до Балашихи, пролетев стрелой по темным дворам, остается одна, то подчас чувствует себя, как в глухой тайге. Было время, когда пела на эстраде чужие песни — легко выходила, легко прощалась с залом, и страх не мучил: кому нужны твои исповеди...

«...За рекою в старинном саду где-то есть лебединый пруд, но не знает никто, почему лебеди там не живут». В большом многоквартирном доме давно все спят, а ее странное ремесло не знает ни дня, ни ночи. Мелодия рвется впереди стиха, взлетает вверх, к старинному народному плачу, душой она уже знает, какой должна быть песня, но сколько пройдет ночей, пока с этой песней можно будет выйти на люди, на сцену, и ощутить, что вот, не одинока!

Петь Катю выучила тайга. Только-только встав на ноги, девчонка цепляется за мамину юбку, идет в лес по ягоды, а в лесу не молчат — переговариваются, поют, медведя отводят. Деревенская школа была четырехклассной, и с пятого Катя училась в интернате, за 30 километров от Патрихи. Домой тянуло нещадно. В субботу, еле дождавшись конца уроков, она собирала отчаянную команду. Домой шли через тайгу, пустынной дорогой, песни орали во всю силу легких...

Вторым учителем стал Михаил Иванович Трифонов. И до него деревня была голосистой. Переселенцы из Белоруссии, с Украины, из России, коренные сибиряки — каких только напевов и наречий не слыхала Патриха! А с Михаилом Ивановичем появились настоящие хоры, настоящие праздники. Девчонки за ним ходили из-за песен, мальчишки — из-за шахмат, волейбола, лыж. И Катя знает, и друзья ее детства знают: пока жив Трифонов, жива и деревня.

Михаил Иваныч, растяни-ка меха,
Пусть танцует вся Патриха! —

услышали однажды односельчане по радио. Пела Катя,— она стала артисткой, сочиняет песни — кто бы мог подумать!..

Передалась ей страсть, с которой Михаил Иванович обихаживал деревню на краю света, пригревал детские души, заряжал людей верой, что не хлебом единым жив человек. Но ее страсть была юношеской, а юность рвется из родной стихии. В 17 лет Катя уехала на Камчатку, к океану, вулканам, гейзерам. Там, ошалев от местной романтики, вдруг стала писать стихи. Любовь к своему краю она обнаружила в себе позже. Каждое лето уезжает в Патриху — нет, не гостить, жить.

Этим летом выступала в деревенском клубе. Охотники, лесорубы, рыбаки пришли в клуб прямо в робах, из тайги, сели, смущенно опустив головы. Оглушительных хлопков не было, послушали песни и так же смущенно разошлись, только потом дошел до нее скупой мужской отзыв: «И поплакали, и посмеялись от души».

А еще собрала женщин, записала на магнитофон их песни, их чистые, молодые голоса... По убеждению Кати, сибирячки не стареют. По сотне туесов малины за лето приносят, от нескромных речей краснеют, как девушки, а жизненная сила и радость в них с годами словно прибывает. Ей тоже хочется остаться такой. Не артисткой она себя чувствует, а младшей сестрой этих женщин, которая когда-нибудь, попев, погуляв по свету, вернется домой.

...В ее квартире в подмосковной Балашихе висят оленьи рога. История у них такая. Как-то летом набрела в тайге на медвежью лежанку под елкой и увидела отполированные, хоть сейчас в магазин сувениров, рога. «Это же его игрушка!» — догадалась и, не успев подумать, схватила, а на их место положила конфету. С дороги Катю уже окликали, она пошла, потом побежала и вдруг остановилась: сменяла любимую игрушку на конфету! Нет, надо вернуться, отдать... Но медведь был где-то рядом, недаром, пока собирали малину, собаки жались к ногам. И вернуться Катя не посмела, так и увезла медвежью забаву в Москву. Теперь у нее перед тайгой долг.

Татьяна ИВАНОВА

Соединил лю

Таким был шабловский крестьянин Ефим Честняков во времена недолгой учебы в городе.

Мы даже не подозреваем,
как же мы богаты,
как много
сотворено предками,
как восхитительна,
неразгаданна, чудесна
каждая пядь нашей земли.

«Щедрое яблоко».

Фрагмент картины «Город Всеобщего Благоденствия».

бовь и талант

Деревушки Шаблово на карте Отчизны нет. Да и на карте областного масштаба, пожалуй, нет тоже. Дай бог, если отыщется на географическом плане района. От Костромы до Кологрива 400 километров — умаешься по любой погоде, от Кологрива же до Шаблово еще версты и версты бездорожья. Так было от века, так и сейчас. А ведь светлая точка земли, светлейшая, светящаяся, только свет ее до времени не был виден.

Двадцать семь лет назад умер здесь человек, оставив двухэтажный дом, набитый странно-красивыми, но уже полуразрушенными картинами, да кое-каким скарбом, да куклами, да глиняными скульптурками, да записными книжками, да всем таким прочим. Человек был стар, прожил жизнь славно, и дом был стар и темен от времени. Похоронили хозяина, поскорбели. Взяли на память из дому, что там было; потом и дом постепенно разобрали на бревнышки, досточки, кирпичики — не пропадать же добру. Мир ничего не знал об усопшем старце, да что мир — в округе хоть и ходили о нем рассказы, похожие на легенды, но и они забываться стали — ведь живут сегодняшним и завтрашним, чего уж тут...

Но через несколько лет пришли сюда, очевидно, привлеченные легендами и слухами, да кое-какими старыми публикациями, ученые и художники-реставраторы, собрали, что смогли, еще много лет копались по своим тесным келейкам, что-то сшивая, починяя, восстанавливая, тихо и восторженно изумляясь, а пятнадцать лет назад грянуло: Москва и Турин, Ленинград и Флоренция и сам искушенный стольный город художников Париж — все и сразу покорились явлению необычайного таланта, имя которому — Ефим Васильевич Честняков, житель деревни Шаблово. Такие вот дела.

* * *

Много-много лет назад встретились в Куоккале два художника: одним был знаменитый Илья Ефимович Репин, другим — его ученик, донельзя бедный молодой человек Ефим Честняков. Что говорил тогда, вернее, мог сказать, Честняков, восстанавливается по его письмам.

ЧЕСТНЯКОВ. Мать моя отдавала последние свои гроши на бумагу и карандаши. Когда немного подрос, каждое воскресенье ходил к приходу и неизбежно брал у торговца Титка серой курительной бумаги, причем подолгу любовался королевско-прусскими гусарами, которые украшали крышку сундука, вмещавшего весь товар Титка... Когда поедут в город, то со слезами молил купить красный карандаш, и если привезут за пять копеек цветной карандаш, то я — счастливейший на свете и готов всю ночь сидеть перед лучиной за рисунками. Но такие драгоценности покупались совсем редко, и я ходил по речке собирать цветные камешки, которые бы красили...

Не жалился, не слезу выдавливал, но не мог не говорить об этом, потому что не только был искренен беспредельно, но и боготворил учителя, просился к нему в учение.

ЧЕСТНЯКОВ. Как-нибудь частным образом, хоть временно, на месяц, на испытание, в уголок куда-нибудь. Ведь я изведусь совсем, Илья Ефимович, если вы не спасете меня!

А что же Мастер на это? А Мастер на это совсем неожиданное.

РЕПИН. Вы идете своей дорогой, я вас испорчу. У вас способности. Вот и продолжайте дальше... кисточкой заканчивайте, как вам самому нравится.

Как понять? Может, хотел отбояриться от ученика, который был ему вовсе не с руки? Да нет, вот официальный отзыв:

«Честняков обладает темпераментом художника, проникнут стремлением к искусству, и тому успеху, какой от него ожидается по его способностям, мешает, главным образом, недостаток в материальных средствах. Профессор И. Репин. 7 мая 1902 года, СПб., Академия художеств».

Все рассказал ученик Мастеру за неполный курс своего обучения. Уже и тогда восторгался не только живописью, но и словом, сказки сочинял. Одна из них начиналась так.

«Жила-была деревенька — дворов тридцать. Стояла в лесу, от жилых мест не близко. Деревня располагалась по склону горы, с полдневной стороны к солнышку. Хорошей дороги не было. Сообщались больше зимой, когда болота замерзнут, а летом только в самое сухое время. Жители этой деревеньки не видели городов, железных дорог, пароходов. А кому приходилось слышать о таких диковинках, им это казалось совершенно чудесным, как сказка...»

Это же о себе, о своем Шаблово; и отныне всегда будет так: начинаешь читать сказку, а она оборачивается биографией, знакомишься с его жизнью и погружаешься в мир небывалого света, такого проливного и чистого, какой и бывает-то только в детских снах да в сказках.

Но ведь не только глухомань была. Уже впрямую о себе, о семье, о том мире, из которого никогда не уходил.

ЧЕСТНЯКОВ. Дедушка был мастер рассказывать про свои приключения, рассказывал он и сказки, и не забуду, как чудесно рассказывал. Бабушка много рассказывала сказок и про старину, которую любила и хорошо умела передавать. Поэзия бабушки баюкала, матери — хватала за сердце, дедушки — возносила дух.

А что же он сам делал всю жизнь? Если совсем уж коротко: то взял и соединил любовь и талант своих предков. Суровость бедности и поэзия, вьюга и тепло печки, тяга к иным прекрасным мирам и неизбывная любовь к своей деревне — их нельзя разорвать, отделить, иначе ничего не поймешь.

Внук крепостного, он был единственным сыном в семье, тем, кого издавна называли «честняком» и на кого возлагались особые обязанности по семье: как в деревне без мужских-то рук? А вдруг что с родителями случится, не будешь честняком — пропадет семья. Так и стал на всю жизнь Честняковым.

Время от времени (хотя и редко) отрывался от дома, всегда ненадолго, чтобы обучиться грамоте, живописи, на большой мир посмотреть, чтобы убедиться: весь мир, как Шаблово, а Шаблово, маленькое и заброшенное, огромно, как весь белый свет. Учительскую семинарию успел окончить, преподавал: каялся, что мало учился, каялся, что родителей покидал, ведь честняк же. Но вот и до столицы добрался, и к Репину в ученики попал.

ЧЕСТНЯКОВ. Моя душа, горевшая искусством с раннего детства и только временно задавленная жизнью, воскресала с каждым днем.

Это по глубинному счету, а жить-то было трудненько:

«Одним удобство и почет, сребро и золото течет, а у других не жизнь пока — томятся в голоде, нужде, дрожат без хлеба на дожде».

Другие — это он сам. Но все же не нужда отлучает его от занятий; нужду бы перенес, и не заметив ее. Другое тут. Письма из дому. Просят возвращаться, трудно без него. Дома сестренки, их поднимать надо. И он возвращается. Еще и потому, что Мастер на той памятной встрече сказал.

РЕПИН. Вы уже художник. Это огонь, этого уж ничем не удержишь. Что еще сказать вам? Участвуйте на выставках. Создавайте себе имя...

Многое понял в молодом художнике Репин. Но не все. Далеко не все. Потому и сказал — «создавайте себе имя». Вот уж чего Честнякову было совершенно не нужно.

Да, возвращается. Но кто? Сломанный человек, которому не дали выучиться внутренние обязательства перед семьей и домом? Нет, в Шаблово едет, пробирается по бездорожью человек, уже все взявший от учения, все, что именно ему было надо. Ну, разумеется, была бы возможность, еще не мешало бы послушать мастеров, но уж коли так сложилось — не беда. Ведь все равно никто и краем не познал, что у него в душе, что в сердце, кто он такой. Он же возвращался не постыло, не по необходимости, он ДОМОЙ возвращался навсегда, ибо ДОМ — это то, где место для твоего ума и рук, край твоей души.

К началу восьмидесятых годов, когда стал Ефим Васильевич посмертно знаменит, обнаружено около ста его картин, около тысячи графических листов, скульптуры, литературные про-

изведения, может быть, десятая часть им созданного, может, того меньше. Великая жалость — но кто об утерях совершенно не жалел, так это сам Честняков, и это главная загадка его жизни и трудов.

Если ты художник, ты должен выставляться, тебя должны видеть и покупать, ты идешь от инкогнито к известности, от известности к славе, и о славе твоей как раз и судят по выставкам, гонорарам, каталогам и книгам о тебе — как же иначе? А Честняков? Да он же за всю свою жизнь не продал ни одной картины. Мало того:

«Я родился и вырос и делом занимался больше в деревне, и не хотелось бы работать поставником для городских музеев и театров. Считаю свои вещи не туда относящимися. Цели не те...»

А может, все проще — не было заказов, уровень, так сказать, не тот, и Репин просто ошибся? Да нет, и заказы были, и знаменитый парижский Салон предлагал выставляться, и много-много других соблазнов жизнь подбрасывала. А он:

«Продавать нельзя, они (картины) не продажны ни за все сокровища мира. Они не имеют цены, потому что они не шаблон в торговле. Есть вещи, которые и оценивать невозможно».

Может быть, странная такая гордыня обуяла, мол, гений я, и все — что мне ваши деньги! Картины, мол, дороже вашего серебра и злата, и буду беречь и любоваться ими, как скупой рыцарь.

Это уж полный вздор. Он дарил картины, делал бесплатные портреты, складывал свою бесценную живопись в двухколесную тележку и возил от деревни к деревне, потому что картины его были для него декорациями необыкновенного, единственного в своем роде театра Честнякова. Дом его был двухэтажным, весь первый этаж занимал театр, а сам жил на втором — в «шалашке», рядом с мастерской.

Сходися весь народ.
По копеечке за вход,
Четверть денежки, полушку
опускайте в нашу кружку...
Если ж нечего — чудак:
подходи, гляди и так!

В этом театре он был автором, режиссером, актером, художником, рабочим сцены, композитором и музыкантом, зазывалой и изготовителем кукол, детским педагогом. Когда в спектакль включались дети, он был всем. Но уж если картины — декорация, то, значит, без подрамника, шоркают ими, как занавесом,— какая краска выдержит? Но благо, если дома, а ведь театр Честнякова разъезжал по округе, от деревни к деревне; Ефим Васильевич складывал в тележку необходимое, сюда же, рулончиками, картины.

Ах, проказ же наш Ефимко —
Рыцарь сказочных чудес:
Умудрился невидимкой
В сказке жить всегда
и весь! —

такую о себе очень верную сочинюшку создал. Так что не мог сберечь картины «рыцарь сказочных чудес», и не берег, и не пытался! Ибо не это было делом жизни.

* * *

Но что же?

Мы покинули художника в тот момент, когда, получив напутствие Мастера, он возвращается в Шаблово. О чем он думает, чем живет? Как собирается прожить жизнь свою? для чего? во имя чего? Мы знаем: без искусства, вне искусства для него жизни нет. Это ясно; труднее понять другое: а само-то искусство ему для какой внутренней надобности? Бывает же так, и нередко: охватывает человека великая тоска самовыражения, и талантом бог не обидел, и человек захлебывается, спеша сбросить тяжкий груз немоты, и если вы спросите его: для чего? для кого? — он просто не поймет вас; для чего искусство? — а для чего птицы поют и цветут луга?

Ефим Васильевич не осудил бы такого художника, не в его праве было осуждать, но сам был не таким. Все о себе знал: и для чего работает, и для кого. Вот он, юноша еще, говорит:

— Перед вами русский, сын народа, из самого сердца его, и страдающий за него до глубины души, и жаждущий только труда для служения жизни.

И вот, взрослым уже:

— Я был полон страданий, и думал, и изображал, и словесно писал: меня зовет искусство, и, может быть, соединю вас всех воедино и выведу миру во всем величии, красоте и славе.

И уже немало пожившим, хлебнувшим всего:

— В том и красота, чтобы человек возвышался над жизнью в искусстве. Жизнь такова, какова она в творчестве людей, как отражается в их существах. Разным людям жизнь кажется разной. Человек создает красоту жизни, и чем дальше, тем прекраснее ее красота.

Так что не будь он честняком — он все равно бы вернулся в Шаблово. Просто и спокойно решил для себя еще на заре зрелости: если уж так выпало именно ему, что от бога ли, природы или людей выпал талан находить и запечатлевать красоту, так надо и отдавать ее там, где обрел. И истрепывающихся картин было не жалко в той же степени, в какой не жалеют зерна, брошенного в землю. Красота спасет мир, говорил Достоевский. Земля нуждается в спасении — ну что ж, этим и стоит

шее время. От нее и питаюсь. А от искусства в деревне жить нельзя. Ведь это не лапти плести, при лучине вовсе не ловко. В деревне в эти годы мне с искусством беда. С весны до осени на земле, пока не снег, дня досужего мне нет, и за труд ученый мой я садился лишь зимой, да и то не всегда.

Оттого и столь радостно его искусство, что жизнь была тяже-

А таким он нарисовал себя, возможно, по памяти, в одной из записных книжек.

заниматься. А выставки, слава, аплодисменты, что ж, может, оно и неплохо, но для других, и нечего думать об этом, нечего и голову засорять, и так дел невпроворот.

Но ведь не просто художник возвращается из столицы, чтобы вершить дело красоты — честняк возвращается в отчий дом на крестьянский извечный труд. Будет помогать отцу; отойдет отец в мир иной, будет кормить мать и сестренок, и те уйдут и разлетятся, а он будет крестьянствовать из года в год, из десятилетия в десятилетие.

— На крестьянскую ломовую работу у меня уходит луч-

ла, строга, серьезна и на пустяки, на счеты с жизнью времени не было. Многими посетителями выставок его живопись воспринималась как сказочная. Сказочные яблоки, схожие с той щедрой репкой, что тянешь-потянешь, вытащить не можешь и которая одна может накормить весь люд; сказочные города всеобщего благоденствия, сказочные солнца-девушки, детишки, по ликам которых гуляет свет истины... Реставраторы были потрясены, когда принялись восстанавливать работы Ефима Васильевича. У современных профессионалов не встречается той тщательности в подготовке, той

беспредельной уважительности к художническому ремеслу, без которой не бывает и вдохновения.

Тона́ его картин мягкие и нежные: зеленые, изумрудные, серожемчужные, тепло-желтые, цвета весны и лета. Но той весны, что уже отряхнулась от зябкости, но того лета, когда оно нежится под радугой после светлого теплого дождя. Такую гамму применяли старые северные мастера иконописи, когда изображали «Праздники» — и радость, и какая-то светлая меланхолия, и все пропитано загадкой, таинством жизни. Да его большие композиции так же и перенаселены, как «Праздники», и там и тут нет толчеи, просто все живое высыпало на улицу в ожидании чуда.

И все же не сказка на его полотнах — мечта. Просто отмытый от лжи и греха сегодняшний мир, ну просто вот этот самый, шабловский, кологривский, еще какой. Или то и сказочное, что мира без греха не бывает? Да как так не бывает, приходите — я покажу. Или не приходите, сидите себе на месте, я сам приеду с тележкой своей чудесной, на гвоздики картины натяну (не беда, коли порвется; через край суровой ниткой зашью, а уж совсем истреплется, новую напишу), детишек созову, они безгрешные, они-то верят без усилия мысли, что мир может быть, как и они, безо лжи и праха. И как же не поверить, если в картине «Город Всеобщего Благоденствия» сто двадцать человек и все до захлеба, до отвала счастливы, а потому покойны и нет в них суеты и ловкачества; а в скульптурной группе «Город Кордон» — так там уже более четырехсот счастливцев, и никто такому изобилию радости не удивляется. И первым — Ефим Васильевич. Потому что знал секрет счастья:

— Человек приходит на землю, чтобы совершенствоваться самому и создавать красоту вокруг себя.

Все-таки сначала совершенствоваться, потом творить. Так думал и так жил. А жил тяжко, мы знаем. Как вернулся в деревню без гроша, так до смерти и не разжился, прожив в трудах восемьдесят восемь лет. Питался огородом, появлялась копеечка — покупал холст; не было копеечки — рисовал на картоне, на всем, что попадет под руку. Кажется, разразись любая катастрофа, он продолжал бы жить, как жил — собрал бы оставшихся в живых, сказал бы им: «ЧУДЕСНО ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ», и принялся бы за дело: писал бы картины, пахал землю, лепил свои «глинянки», веселил народ «сочинюшками», учил бы детей и взрослых, а вокруг него расцветал бы «КРЕСТЬЯНСКИЙ ЦАРСТВЕННЫЙ НАРОД».

Конечно же, он был художником по преимуществу, и не будь им, мысли бы его не дошли до нас. Но само искусство для него было средством познания тайны «великой универсальной культуры», строением которой он и занимался всю жизнь. Так что философом был он в первую голову, жизнестроителем, вечным работягой духа. И надо в душе было выносить понятие о том, что «ДОБРО — КРОТКОЕ ДИТЯ», а уж потом изобразить его в бесчисленных ликах на полотне. Философом был, а проще и точнее — мудрецом, который думает и головой, и руками, и сердцем.

В 1914-м грянула первая мировая. И он из своей глухомани:

— Собратья страдающие, дети земли! Кто бы вы ни были, обращаюсь к вам, ибо кажется мне, что вы все думаете одно, все желаете мира, но не имеете средства, чтобы могли сказать об этом все и всем, чтобы все слышали вас... Прекратите теперь же военные действия и, пока идут мирные переговоры, займитесь культурной работой и собеседованиями...

Как же хорошо было, если б вошли эти слова Честнякова в буквари человечества. Ну, пусть не именно эти, но такие же — Ефим Васильевич, как известно, на славу не претендовал.

Шли годы, он не менялся. Потому, наверное, что всегда был, как подлинный художник, впереди времени. Проклял войну, восславил революцию, как бы мимоходом создал единую программу обучения для детей и взрослых, защищал природу, потому что любил человека. И во все весны не откладывал плуга. Односельчане звали его кудесником, верили в то, что может боль заговорить, порчу снять. Наверное, они были правы. Разве не добрый дух живет так долго, так добро, так хорошо и необходимо...

* * *

Поучать многие любят, особенно сейчас, но как часто не хочется слушаться советов, даже благих, хоть краем зная тех, кто эти советы дает. Вот проживи такую жизнь, как Ефим Васильевич, в таких трудах, в таких «грях», то кто же если и не послушается, то хотя бы не прислушается к его словам:

— Множество людей делают что-то для своего пропитания, мало думая о более существенном, неслучайном. Много ряби на поверхности вод, и ею-то занимается большинство. И душа исстрадалась, что мало делается для коренного воздействия на жизнь. Кругом пасти и ловушки для всех, и так жизнь мало совершенствуется, тянется по кочкам и болотам, тогда как давно пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру.

Мы не знали его творчества, его мыслей не только потому, что жил он в глухомани и умер в полном забвении. Оттого не знали, что другими героями прошлого была полна голова. Знатоками речений и учений. Строителями самого-самого. Бесстрашными проходчиками будущего. А он жил среди самых обыкновенных людей. И брал от них радость, и учил их счастью. Да что же с того, что картины его разошлись по домам после его смерти, и многие из них погибли, затерялись; что с того, что дом разобрали — никто ж о музее слова не сказал. А все же звали его «наш Ефим». И ручей, текущий к Унже, зовется теперь «Ефимов ручей». И картины жители Шаблово, какие удалось, собрали и передали в музей. «Он был не как все. Особенный какой-то. Нам до него далеко и долго не дойти». Раньше бы мы прислушались, раньше бы эти слова и услышали, ибо повторяют их сейчас не по возникшей славе, а по памяти. Ему в безвестности нетягостно было, на славу не рассчитывал. Нам без него было плохо. Такие, как он, с тихой твердостью противостояли непомерному злу, а иначе бы как выстоять?

— Фантазия — она реальна. Когда фантазия сказку рисует, это уже действительность, и потом она войдет в обиход жизни так же, как ковш для питья. И жизнь будет именно такой, какой ее рисует наша фантазия.

Полотна Ефима Васильевича Честнякова украшают костромской музей. Но ведь родились они в Шаблово, для Шаблово, и, может быть, там, в Шаблово, и должен быть его музей? В его отстроенном доме, в его театре, в его мастерской, в его «шалашке». Там картинам будет дышаться вольготнее. И исчезнет еще одна невидимая точка на карте России, и взойдет великая родина великого патриота.

Уже стариком, Ефим Васильевич наказал племяннице:

— Люби поэзию. Это душевный хлеб. Без поэзии жизнь скучна — материальна, как у животных.

Эрнст МАРКИН

Строки о любви

Мария ПЕТРОВЫХ

* * *

Назначь мне свиданье
на этом свете:
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать
без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись,
позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным.
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом
свидании тайном,
Когда мы бродили
вдвоем по окрайнам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали
с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь
были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже
на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали
о чем-то прекрасном.
Тропинка все выше
кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот
поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом
стал для меня.
Пусть годы умчатся
в круженье обратном
И встретимся мы
в переулке Гранатном...
Назначь мне свиданье
у нас на земле,
В твоем потаенном
сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока еще слышим,
Пока еще видим,
Пока еще дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать,
я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой
смертный час
Назначь мне свиданье
у синих глаз.

Людмила
УЛИЦКАЯ

Рассказ

За к

Две маленькие девочки, обутые в городские ботинки и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали только тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку — по теперешнему счету рубль — дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок — для капусты.

— Возьмите, сколько унесете,— велела она им,— и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у нее, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами — легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года, вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками ее недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. Теперь соседка привезла их к Слонихе: ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала — привезли, мол, на мою голову...

Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривали даже между собой, только тихо шуршали, почесывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала свою большую думу: оставлять их при себе или отдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Палиху, в баню.

После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали на полу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала: «Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старость лет пристали».

А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать ее неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол,— Ипатьева брала работу: кому перелицевать, кому починить...

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они ее поставят,— бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусиного пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым мечом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замерзшие пальцы в карман и нащупала десятку, скатанную трубочкой.

— Большая, а носа вытереть не можешь,— проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Ее замерзшие пальцы не расчувствовали десятирублевки и скатали поудобней в трубочку желтого японца. Измятая десятирублевка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурыми промерзшими листьями.

Сестры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, постояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, сопели, топали озябшими ногами,— ботиночки были дареные, изношенные, тепла не держали.

— Надо бы валенки надеть,— сказала Дуся.

— На валенках кошка спит,— отозвалась Ольга. И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришел грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец, сгрузили. Раскрылось зеленое окошечко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки все оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шел не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока еще грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тетка начала шуметь:

— Чего закрываешь, когда только открыли.

Но продавщица цыкнула на нее: «Обед!» — и ушла.

Прошел еще час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины старух, и спины домов, и кучу бело-голубой, твердой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Пришла продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула ее — вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Ее охватил ужас.

— Тетенька! Я деньги потеряла! — закричала она.— По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на Дусю и сказала:

— Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

— Дырка у меня! Я не нарочно! — ревела она. Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

— Иди поищи, может, на дороге

апустой

найдешь,— посоветовала ей темнолицая женщина из очереди.

— Как же, найдешь! — фыркнул одноглазый старик.

— Не задерживайте, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторонку! — сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотах. Обе они ревели. Старшая горестно, по-взрослому причитала:

— Горе ты мое! Что теперя с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдем?

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

— Куда пойдем...

Темнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Умненькая Дуся все думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала... Украли? Или отняли? Или еще чего? Сказать «потеряла» казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу,— деревенская робость перед машинами все еще осталась в Дусе. Навстречу им несся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз — высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и проехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крякнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку — два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить мешок на плечи — был слишком тяжел. Они взялись за углы мешка. Заботливая Дуся подложила под него картонку, и они поволокли его...

Ипатьевой дома не было. Она сидела у своей подружки Кротовой, плакала, утирая слезы кривым ситцевым лоскутом:

— Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала... Пропали, пропали девчоночки мои... Цыгане свели или кто...

— Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай! — утешала ее Кротова.

— Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? — убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, не раздеваясь, сели на один стул и ждали...

Рис. А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

ВОТ ТАКОЕ ПИСЬМО

ПТИЧИЙ МАЗАЙ

Родилась я и выросла в большом южном городе. Холодов там почти не было, и я никогда не задумывалась, как живется зимой птицам. После войны вышла замуж и уехала на родину мужа, в Оренбуржье. Здесь впервые узнала, что такое настоящая зима, со снежными метелями и сорокаградусными морозами. Первую зиму воду из колодца мы брали у соседей. Хозяина звали Тимофеем Ивановичем, но чаще в деревне его называли Птичьим Мазаем.

Над его двором всегда летало много птиц. Деревья были усеяны скворечниками и затейливыми домиками. В кормушках не переводился корм. Много лет мы прожили рядом, часто разговаривали. Тимофей Иванович рассказывал о птицах подробно, с увлечением. Некоторые считали его чудаком: все сажают яблони для себя, а у него в саду для себя только одна, остальные — лесные дикарки с маленькими красными плодами — для птиц. Для них же рябина и черемуха. Часть ягод он сушил и сыпал в кормушки зимой. Летом ездил в лес, привозил крупные поленья-гнилушки. Он вставлял их в железные кольца на столбиках, и зимой по ним сновали синички, серые дятлы, выискивая личинок. Тимофей Иванович собирал арбузные и дынные семечки. Вдоль штакетника в их палисаднике росли подсолнухи и конопля.

Какие только птицы не кормились зимой во дворе Тимофея Ивановича! Драчливые воробьи, шустрые синички, снегири, галки, голуби, почему-то не улетевшие грачи... В ясные дни он выносил из дома таз с глиной и сухой золой. Птицы с удовольствием копошились в нем.

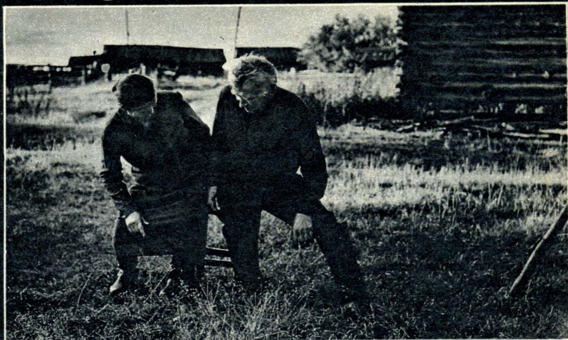
Любимым местом детворы было подворье Тимофея Ивановича. Он им показывал кормушки, просвещал, мастерил с ними домики. И во всех дворах ребята по примеру Тимофея Ивановича завели птичьи столовые. Малыши тащили к нему подбитых птиц. Дети подрастали, и кто-то из них обязательно уезжал в лесной техникум.

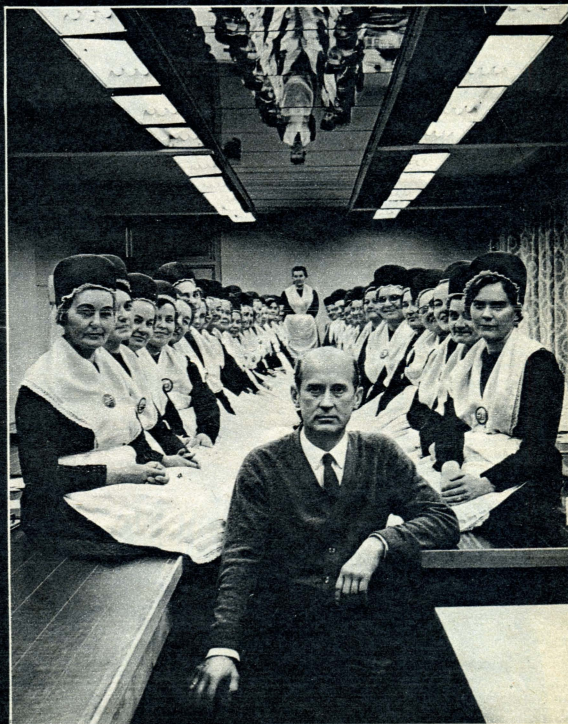
...Нет уже на свете Тимофея Ивановича и его жены, но дом их не перестали называть домом Птичьего Мазая. Не забылись в деревне его слова: птицы зимой гибнут не столько от холода, сколько от голода, они помнят добро и летом помогут уберечь сад от вредителей. Как и прежде, во всех дворах висят скворечники и кормушки, сделанные детьми наших детей.

К. ПИЩЕНКО

Оренбургская область.

Единственный

ВНИМАНИЕ: ФОТОКОНКУРС!

У кого муж, у кого дружок, у кого дирижер и художественный руководитель. Но главное, что другого такого нет! И ссоришься с ним, и миришься, и без слов понимаешь. Он только бровью поведет, только вздохнет печально, а уже знаешь, что у него на уме. Надоест порой хуже горькой редьки, всю душу вымотает, но расстаться — нет, никогда!

1. П. НОВИКОВ. Извини-подвинься!
2. В. КОРЕШКОВ. Пойте хором.
3. П. ВОЛКОВ. Пылинки он уже сдул.

ПОЦЕЛУЙ НА ПРОЩАНИЕ

Когда в последний раз, уходя на работу или возвращаясь домой, вы поцеловали свою жену? С таким вопросом специалисты Института исследования общественного мнения из западногерманского города Алленбаха обратились к представителям «сильного пола». «Вчера» — таким был ответ 55 процентов опрошенных мужей. У 16 процентов это «событие» произошло несколько дней назад, а 24 процента из числа опрошенных отвечали на вопрос либо уклончиво, либо прямо заявили, что категорически против такого проявления чувств. И лишь 5 процентов мужчин сознались, что поцеловали свою жену сегодня перед тем, как выйти из дома.

КЛУБ ЗЯТЬЕВ

В болгарском селе Судина 118 женатых мужчин создали клуб зятьев. Его главной задачей является «обмен опытом» по установлению терпимых отношений с тещей.

А ЕСЛИ ЕЩЕ И РАБОТАТЬ...

Недавно статистики подсчитали, что жена, ухаживающая за двумя детьми и мужем, в течение года вымывает 18 000 ножей, вилок и ложек, 13 000 тарелок, 8000 чашек и 3000 бутылок, бидонов и так далее, причем общий вес посуды, переносимой из кухонного шкафа до обеденного стола и обратно, за год достигает 5 тонн. С помощью специальных устройств была измерена дальность расстояний, которую приходится преодолевать хозяйке дома и во время покупок,— в течение года эта величина составила 2000 километров. А если женщина еще и работает?

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ...

Современная наука знает только один случай рождения у одной матери сразу десяти младенцев. Дважды рождалось по девять детей. А вот жительница Шри-Ланки, некая Розенковиц, в 1974 году произвела на свет шестерых — трех мальчиков и трех девочек — все крепкие, здоровые, жизнеспособные. Самого крупного ребенка родила в 1961 году Саадат Короба из Турции: ее сын весил больше 11 килограммов. У супругов Каминсов из США за пять лет родилось пятеро ребятишек. В этом не было бы ничего удивительного, если бы все дети не родились в один и тот же день — 20 февраля.

Рис. Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

Любовь ЗАВОРОТЧЕВА много лет жила и работала в Тюмени. Она лауреат премии Ленинского комсомола, автор серьезных публицистических очерков, рассказов, повестей. Но, как могут убедиться наши читатели, юмор ей тоже не чужд. Что же касается Ефима СМОЛИНА — он профессиональный сатирик и хорошо известен телезрителям как автор монологов, которые читает сам или доверяет Геннадию Хазанову и другим артистам эстрады.

Любовь ЗАВОРОТЧЕВА

ШАПОЧКА

— Шапочку при себе оставьте. Не берем. Не принимаем — и все! У вас же нет пакета, пакет можно повесить, а шапку — нет. Ну и что из того, что штырь высокий есть,— упасть может шапка. Нет, вы что, хотите, чтобы вашу шапку, как мяч, по полу катали? А вы потом в суд подадите? Да нет, я не гарантирую. Упадет ваша, а подам другому, шапка ваша видная, каждый захочет поменяться. Ну и что, что солидное заведение. Один писатель сдал норковую, а ушел в серой солдатской. А кто его знает, может, тот специально свою армейскую надел. Может, и писатель, писатели — тоже люди. Этот, которому подменили, телефон оставил, думал, тот прибежит меняться назад, хи-хи-хи! Как же, не для того менялся! Нет, нет, шапочку с собой, раз нет пакета, надо вас приучать. Для чего прическу делали? Ну, милочка, это ваше дамское дело, а мы шапок не берем без пакета. Нет ли у меня пакета? Да как ему не быть, если я при таком деле нахожусь! Сорок копеек за прокат — и шапочка в сохранности. Вот и порядок! А может, вязальными спицами интересуетесь?

ТЕЛЕРЕКЛАМА

НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ Ефимом СМОЛИНЫМ.

ВСТУПЛЕНИЕ. Не знаю, как вы, а я просто обожаю смотреть по телевизору рекламу. Как будто переносишься в другой мир: обилие товаров, отсутствие очередей... Нет, ничего я не перепутал! Не отсутствие товаров и обилие очередей, а наоборот. И все так красиво — и люди, и одежда, и огромные квартиры. А эти сюжеты? Никогда не знаешь, чем он кончится... Итак, представьте — вы у телевизора, показывают рекламу.

● (Сюжет первый). Ночь. Мирно похрапывает дедушка. Телефон: «Дзи-инь!». Дедушка: «А-а-а!». Голос за кадром: «Автоматическая связь действует в любое время суток...»

● (Сюжет второй). Малыш сует пальчик в розетку. Мама: «Ой, его убьет! Убьет!» Малыш: «Нет, мама, меня не убьет,— за неуплату в срок нам отключили электроэнергию...»

● (Сюжет третий). Из дверей травмопункта выходит человек, весь в гипсе, на костылях. На нем шикарная дубленка, ондатровая шапка, на руке, поверх гипса, сверкают электронные часы. Человек усаживается в «Жигули» последней модели, поворачивается к нам, улыбается золотыми зубами и говорит: «Все это — на страховку от несчастного случая!..»

● (Сюжет четвертый). У дверей кинотеатра билетер останавливает девочку: «Ты куда, малышка? Тут до шестнадцати...» — «Как вы смеете! Мне сорок пять!..» Голос за кадром: «Так молодит женщину крем „Свежесть"...»

● (Сюжет пятый). На экране мелькают немецкие обои, чешский кафель, югославская сантехника, финская мебель, японские телевизоры... Голос за кадром: «Все эти товары вы легко можете сфотографировать аппаратом „Зоркий"!»

Рис. В. КОВАЛЯ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Советский летчик, Герой Советского Союза, участник спасения экипажа парохода «Челюскин». 5. Прибор для определения влажности газов, жидкостей и твердых тел. 7. Лучший сорт каменного угля. 9. Боевая колесница времен гражданской войны. 10. Город в Белоруссии, где в годы Великой Отечественной войны руководил подпольем Константин Заслонов. 11. Декоративная ваза, в которую ставится цветочный горшок. 12. Один из древнейших русских городов. 13. Марка грузового автомобиля повышенной проходимости. 15. Рабочий, занимающийся постройкой деревянных зданий. 17. Краска, получаемая из минерала красного цвета. 18. Просвещенность, образованность, начитанность. 20. Раздел математики.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вид спорта. 2. Тонкая прозрачная хлопчатобумажная или шелковая ткань из крученой пряжи. 3. Размер, объем, протяженность предмета. 4. Советский архитектор-градостроитель, лауреат Ленинской премии, один из авторов Генерального плана развития Москвы. 5. День недели. 6. Напильник с крупной насечкой. 7. Человек, обслуживающий звукоулавливающие аппараты. 8. Близкая подруга, приятельница, коллега. 14. Полезные отходы, использованные вещи, пригодные для переработки в качестве сырья. 15. Сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования. 16. Один из видов ежевики. 19. Крупнейший американский писатель-классик.

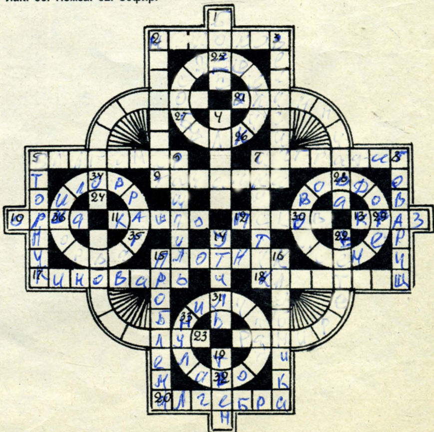
ПО ДУГАМ, по часовой стрелке: 21. Крупнейшие международные комплексные спортивные соревнования. 22. Специалист по болезням животных и их лечению. 23. Советская спортсменка, неоднократная чемпионка Олимпийских игр, мира, Европы, СССР по волейболу. 24. Популярный эстрадный певец, народный артист СССР.

ПО ЗАМКНУТЫМ КОЛЬЦАМ, по часовой стрелке: 25—26. Небольшой пушной зверек из отряда грызунов. 26—27. Общественная организация, объединяющая людей для совместного отдыха, занятий спортом. 27—25. Опустившийся человек, оборванец. 28—29. Крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками. 29—30. Профессиональное занятие — изготовление каких-либо изделий ручным, кустарным способом. 30—28. Роман Э. Войнич. 31—32. Советский писатель, автор романа «И это все о нем...» 32—33. Обломок горной породы в виде большого округлого камня. 33—31. Самая длинная в мире река. 34—35. Глубокая длинная впадина на поверхности земли. 35—36. Юный герой романа В. Гюго «Отверженные». 36—34. Инструмент для прокалывания отверстий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Власенко. 8. Соколова. 9. Авлос. 11. Аверс. 12. Земляника. 15. Житняк. 18. Кошара. 19. Русалия. 20. Вилла. 21. «Артек». 23. Стадион. 26. Сияние. 27. «Косарь». 31. Коллектив. 33. Тодес. 34. «Берег». 35. Лиознова. 36. Марципан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Славутич». 2. Исток. 3. Скутер. 4. Полька. 5. Олово. 6. Увертюра. 10. Вятка. 13. Пятницкий. 14. Корректор. 16. «Куранты». 17. Гиталов. 22. Биология. 24. Дюшес. 25. Дромедар. 28. Москва. 29. Кишлак. 30. Пемза. 32. Зефир.

КРАСОТА ИЗ МОДЫ НЕ ВЫ

Народный костюм — тема, неизменно волнующая художников-модельеров. И может ли быть иначе? Из века в век каждый народ выражал в нем свое представление о женской красоте, свой идеал прекрасного.

Вам нравятся эти модели? Их придумала и выполнила молодая московская художница Елена ПЕЛЕВИНА.

К народному искусству у Елены давняя любовь. Еще студенткой расписывала она эстрадные платья для Аллы Пугачевой — многим, наверно, запомнились свободные хитоны с красочными букетами цветов, будто списанными с жостовских подносов. Сегодня в своих работах художница предлагает модные стеганые блузоны с ручной росписью по японским мотивам, обращается к фольклору народов центральной России, Алтая, Урала. «Фольклор все же не пользуется той популярностью, какую по праву заслуживает», — объясняет свою позицию Пелевина. Но как можно полюбить его, если представление о нем складывается по тем

...ХОДИТ

платьям «в народном», точнее псевдонародном стиле, что висят в магазинах? На любой ткани, что есть в наличии, грубо вышивают упрощенный, тысячу раз повторенный цветок, да кладут яркую тесьму, да еще скроят куцым, коротеньким, прилегающим... В народе же не знали такого равнодушия к делу. Суть сотворения наряда была именно в чутком, вдумчивом, душевном отношении к каждой детали костюма, в гармоничной связи всех его элементов.

Исходная форма народного костюма — свободная рубаха, собранная из прямоугольных полотнищ ткани. Но представьте, какой невзрачной была эта домотканая материя, напоминающая мешковину! Надо было максимально ее украсить. И тут расцветали чудеса народной фантазии. Ткань прореживали и нашивали на нее кружево. Продергивали цветные нити — получались геометрические узоры. Из цветных лоскутков ситца, шелка, парчи, раздобытых бог весть откуда, выкладывали аппликации. Самый распространенный рисунок — геометрический, в лад со структурой ткани. В него вкрапляли цветные бусины, стеклярус, металлические бляшки. Подвешивали цветные кисти, сделанные из выдернутых ниток. Швы, края закрывали вышивкой, шнуром — это укрепляло и украшало вещь. В работу вкладывали все старание и умение.

Елена Пелевина сохраняет особенности работы народных мастериц. Ищет ткань, родственную домотканой, — это могут быть, в частности, зимние платки с разреженной структурой и «полотняным» переплетением. Для каждой модели избирает единую цветовую гамму и в ее рамках подбирает широкую шкалу оттенков, а потом уже выполняет сложную отделку — вышивку, аппликацию, мережку. В аппликации вводит деревянные пластинки, наносит на них гуашью «ситцевый» узор и покрывает бесцветным лаком. Так же украшает и деревянные пуговицы — ведь к такому наряду нужна оригинальная фурнитура, которая не нарушала бы всего стиля. Структура ткани подсказывает художнице и вид вышивки — из простых вертикальных и горизонтальных стежков складываются эффектные узоры: сказочный цветок, бабочка, жар-птица. Ажурные квадраты от прореживания ткани выглядят нарядными ромбами, край логично закончен фестонами. Платья и блузы почти полностью сделаны вручную. И в этом их особая ценность! Ведь народный костюм — творчество глубоко индивидуальное, «штучное». Если вы не боитесь кропотливой ручной работы, любите рукоделие и пожелаете иметь вещь художественно ценную, никогда не выходящую из моды,— воспользуйтесь моделями Елены Пелевиной и ее советами, которые найдете в «Хозяюшке».

Елена ЕЛЕНИКОВА

Фото Ю. ЖЕЛУДЕВА.

Крестьянка

ФЕВРАЛЬ 1989 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА (ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА (заместитель главного редактора),
И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием М. В. СТАРЦЕВОЙ.

Сдано в набор 13.12.88. Подписано к печати 04.01.89. А 10446. Формат бумаги 60×90⅛. Бумага книжно-журнальная. Глубокая печать. Усл. п. л. 6,00. Усл. кр.-отт. 21,00. Уч.-изд. л. 8,56. Тираж 20 530 000 экз. (1—16 259 925 экз.). Зак. № 3517. Цена 25 коп.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14. Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

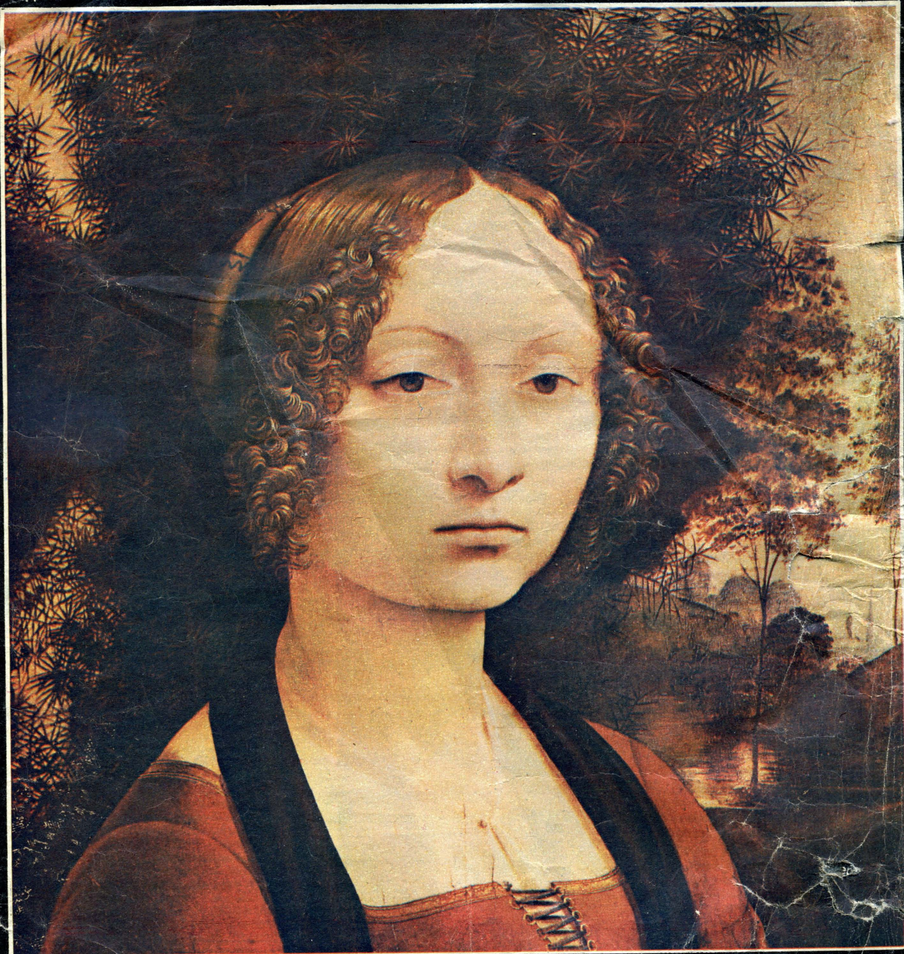
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

На первой странице обложки — Лидия Ивановна Фоменко и ее дочь Таня, свинарки колхоза «За мир и труд» Павловского района Краснодарского края. Фото Е. МАТВЕЕВА.

Индекс 70446. 25 копеек.

Зеркало

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Джиневра ден Бенчи.
Около 1478 года. Вашингтон, Национальная галерея.

Еще очень молод титан Возрождения и молода женщина, изображенная им. Еще вся погружена в себя, еще не вошла в мир. Чуть холодна. Красива. А вот что думали о красоте современники Леонардо: «Можно сказать, что красота — это привлекательное, веселое, приятное, желанное лицо блага, а уродство — темное, беспокойное, неприятное и мрачное лицо зла. И если вы рассмотрите все вещи, то обнаружите, что хорошие, полезные всегда обладают изяществом и красотой. Таково устройство этого большого мира, созданного ради благополучия и сохранности всякой сотворенной богом вещи». Так писал Б. Кастильоне, родившийся в тот год, когда Леонардо создал свою Джиневру.

Адрес подписчика:

Уважаемые почтальоны! Редакция и читатели просят писать адрес подписчика на специально оставленном месте.